

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Симеоновы (Simeonovi) против Болгарии»¹

(Жалоба № 21980/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 12 мая 2017 г.

По делу «Симеоновы против Болгарии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Андраша Шайо, *Председателя Большой Палаты*,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Ангелики Нуссбергер,
Небойши Вучинича,
Андре Потоцкого,
Пауля Лемменса,
Хелены Ядерблом,
Ксении Туркович,
Дмитрия Дедова,
Роберта Спано,
Йона Фридрика Кьельбро,
Йонко Грозева,
Габриэле Кучко-Штадлмейера,
Пере Пастора Вилановы,
Алёны Полачковой,
Георгия А. Сергидеса, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,
рассмотрев дело в открытых слушаниях 6 июля 2016 г. и 18 января 2017 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 21980/04, поданной против Болгарии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 12 мая 2017 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) тремя гражданами Болгарии: Любеном Филиповым (*Lyuben Filipov*), Нелли Николовой (*Nelly Nikolova*) и Филипом Любеновым Симеоновыми (*Filip Lyubenov Simeonov*) (далее – заявители) 8 июля 2004 г.

2. Интересы заявителей представляла С. Маргаритова-Вучкова (*S. Margaritova-Vuchkova*), адвокат, практикующая в г. Софии. Власти Болгарии были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде Р. Николовой (*R. Nikolova*), сотрудницей Министерства юстиции.

3. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 23 августа 2011 г. Палата этой Секции признала жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу, отклонив все жалобы, выдвинутые заявительницей и вторым заявителем, и некоторые жалобы, представленные первым заявителем, Любеном Филиповым Симеоновым (далее – заявитель). Жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции по поводу отсутствия медицинской помощи в тюрьме, его условий содержания и предположительно избыточной строгости его тюремного режима, а также согласно пункту 1 и подпункту «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, связанные с отсутствием помощи адвоката в первые несколько дней содержания под стражей в полиции, были коммуницированы властям Болгарии.

4. 20 октября 2015 г. Палата Четвертой Секции в следующем составе: Гвидо Раймонди, Председателя, Паиви Хирвеля, Георга Николау, Леди Бианку, Пола Махони, Кшиштофа Войтычека, Йонко Грозева, судей, а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, секретаря Секции, – вынесла Постановление по данному делу, единогласно признав жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу и установив нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания под стражей в полиции и тюремного режима, которые были применены к заявителю, и отсутствие нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции относительно отсутствия помощи адвоката в первые несколько дней содержания под стражей в полиции.

5. 12 января 2016 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Суда. Комитет Большой Палаты удовлетворил ходатайство 14 марта 2016 г.

6. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Суда.

7. 20 мая 2016 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда предоставил неправительствен-

ной организации «Ассоциация по предотвращению пыток» (*Association for the Prevention of Torture*), с офисом в г. Женеве (Швейцария), возможность представить письменные объяснения о праве на юридическую помощь.

8. Открытое лушание по настоящему делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 6 июля 2016 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Болгарии:

М. Коцева (*M. Kotseva*), Уполномоченная при Европейском Суде,

М. Димитрова (*M. Dimitrova*), Уполномоченная при Европейском Суде,

(б) со стороны заявителей:

Дж. Макбрайд (*J. McBride*),

С. Маргаритова-Вучкова, адвокаты,

Н. Симеонова.

Европейский Суд заслушал выступления Макбрайда, Коцевой и Димитровой и ответы Макбрайда и Димитровой на вопросы, поставленные судьями.

9. 15 июля 2016 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда решил предоставить заявителю правовую помощь.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1975 году и в настоящее время содержится в Софийской тюрьме¹.

A. УГОЛОВНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ ЗАЯВИТЕЛЯ

1. Задержание заявителя и его заключение под стражу

11. 2 июля 1999 г. два вооруженных человека ворвались в пункт обмена валюты в г. Бургас. Началась стрельба, в ходе которой двое сотрудников были убиты. Преступники скрылись с деньгами. В тот же день следственный орган г. Бургас возбудил уголовное разбирательство против неустановленного лица или лиц по факту разбоя и причинения смерти.

12. Органы, ответственные за уголовное расследование, выполнили ряд следственных мер: осмотрели помещения, провели вскрытие тел потерпевших, допросили свидетелей. Следователи быстро установили причастность заявителя и А.С. к происшествию.

13. Постановлением от 9 июля 1999 г. сотрудник полиции решил заключить заявителя под стражу на 24 часа в соответствии с положениями Закона

о Министерстве внутренних дел. В постановлении упоминалось, что заключенный имеет право на помощь адвоката с момента своего задержания. В нем также указывалось, что копия постановления должна быть вручена задержанному. Копия соответствующего постановления, приобщенная к материалам дела, не была подписана заявителем, который в то время скрывался и разыскивался полицией.

14. 3 октября 1999 г. заявитель был задержан в г. Софии. Ни в одном из документов не указывалось, получил ли он копию постановления от 9 июля 1999 г. после задержания. Он оставался под стражей в г. Софии в этот и на следующий день.

15. 4 октября 1999 г. следователь из г. Бургас на основании статьи 202 Уголовно-процессуального кодекса заключил заявителя под стражу на 24 часа с 20.00.

16. 5 октября 1999 г. заявитель был переведен в г. Бургас. Его содержание под стражей было продлено прокурором в тот же день.

17. В документе, содержащем два постановления от 4 и 5 октября 1999 г., не упоминается о праве заявителя на помощь адвоката и нет его подписи.

18. Заявитель подтвердил, что он подавал четыре ходатайства 3–6 октября 1999 г. о свидании с его адвокатом В. Михайловым (*V. Mihailov*) и что власти не удовлетворили эти ходатайства.

19. Заявитель указал, что он допрашивался должностными лицами, ответственными за расследование, с 3 по 6 октября. На допросе он сказал, что участвовал в нападении на пункт обмена валюты, но отрицал, что совершил два убийства.

20. Материалы дела не содержат письменной фиксации результатов любого такого допроса. В то же время они включают рукописные показания предполагаемого сообщника заявителя А.С., датированные 3 октября 1999 г., в которых А.С. пояснил, что заявитель подстрекал его к налету, что он сам согласился сотрудничать с заявителем и что позднее он использовал оружие во время инцидента.

21. 6 октября 1999 г. следователь, ответственный за расследование, назначил заявителю официального адвоката. Днем при участии официально назначенного адвоката заявителю были предъявлены обвинения в двойном убийстве и разбойном нападении на пункт обмена валюты в г. Бургас. Будучи допрошенным сразу после предъявления обвинения, он дал следующие показания:

«Я прочитал перечень обвинений в присутствии моего официально назначенного адвоката Д. Тодорова (*D. Todorov*).

Я уведомлен о своих правах и обязанностях в качестве обвиняемого и моем праве отказаться от дачи показаний.

Я не буду давать объяснений по поводу обвинений, пока мои родители, которые уведомлены, не смогут привлечь адвоката».

¹ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Центральная тюрьма г. Софии (примеч. редактора).

2. Продолжение уголовного разбирательства против заявителя

22. 7 октября 1999 г. А.С. был допрошен следователем в присутствии адвоката. А.С. сослался на обстоятельства, сопровождавшие подготовку, совершение и последствия нападения, и рассказал, как он помогал заявителю на всех этих стадиях. Он подтвердил, что именно заявитель убил обоих потерпевших.

23. 8 октября 1999 г. заявитель привлек практикующего в г. Бургас адвоката Канева (*Kanev*). Во время своего допроса в присутствии этого адвоката 12 октября 1999 г. он хранил молчание и указал, что даст показания позднее.

24. 21 октября 1999 г. заявитель дал признательные показания в присутствии своего адвоката Канева. Он сознался в том, что подготовил и совершил нападение на пункт обмена валюты и утверждал, что двоих потерпевших убил А.С.

25. 22 декабря 1999 г. заявитель привлек второго адвоката, практикующую в г. Софии Желеву (*Zheleva*).

26. В дальнейшем органы следствия собрали различные виды доказательств: свидетельские показания, медицинские, научные, материальные и документальные доказательства.

27. 4 января 2000 г. заявитель и А.С. при содействии защитников ознакомились с материалами дела. Они отказались от своих показаний, а их адвокаты просили допросить своих подзащитных повторно.

28. 16 февраля 2000 г. бургасский окружной прокурор возвратил дело следователю для проведения дополнительного расследования. В частности, он дал указание выполнить несколько следственных действий и предъявить новое обвинение обоим подозреваемым.

29. 7 марта 2000 г. заявитель был обвинен в совершении еще одного преступления, а именно в незаконном приобретении огнестрельного оружия, которое было применено во время нападения 2 июля 1999 г. В тот же день двое подозреваемых были допрошены в присутствии их адвокатов. В своем объяснении заявитель сослался на версию событий о том, что разбойное нападение и убийства совершил V., гражданин Ирана, пособником которого было другое лицо.

30. 17 мая 2000 г. окружная прокуратура составила обвинительное заключение и передало дело заявителя и его предполагаемого сообщника на рассмотрение Бургасского окружного суда.

31. Бургасский окружной суд рассматривал уголовное дело с 25 июля 2000 г. по 14 июня 2001 г. Во время разбирательства заявитель, который пользовался помощью адвоката, утверждал, что он и его предполагаемый сообщник действительно находились в г. Бургас 1 июля 1999 г. и планировали совершить разбойное нападение на пункт обмена

валюты, но изменили свои намерения и возвратились в г. Софию в тот же день.

32. 14 июня 2001 г. Бургасский окружной суд вынес приговор. Заявитель был признан виновным в вооруженном разбойном нападении на пункт обмена валюты в г. Бургас, совершенном совместно с А.С. и повлекшем гибель двух человек. Он также был признан виновным в незаконном приобретении огнестрельного оружия и патронов к нему. Бургасский окружной суд назначил заявителю самое тяжкое наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Болгарии, а именно пожизненное лишение свободы. В соответствии с пунктом 1 статьи 127b (1) Закона об исполнении наказаний Бургасский окружной суд распорядился о содержании заявителя на «особом» тюремном режиме.

33. Опираясь на доказательства, собранные во время предварительного расследования и в судебном разбирательстве, Бургасский окружной суд установил следующие факты: бывшая подруга заявителя D.K. начала работать кассиром в данном пункте обмена валюты в 1997 году, когда она жила с ним. Работая там, она встретила с первым потерпевшим, N.B., который был близким родственником собственника пункта обмена и его сотрудником. В июне 1999 года D.K. ушла от заявителя и переехала к N.B. в г. Бургас. Тогда заявитель решил убить N.B. и похитить наличные денежные средства, хранившиеся в пункте обмена валюты. Он приобрел пистолет Макарова с глушителем и патроны к нему. Заявитель убедил друга, А.С., принять участие в разбойном нападении. Днем 1 июля 1999 г. заявитель и А.С. приехали в г. Бургас на автобусе. Они пришли в здание, где располагался пункт обмена валюты, и поднялись на верхний этаж, чтобы провести там ночь. На следующее утро, около 9.00, они зашли на этаж, где находился пункт обмена валюты, и увидели, что N.B. был там один. А.С., который нес пистолет, ворвался в помещение и выстрел в упор в левый висок потерпевшего. Потерпевший сразу же скончался. Затем два сообщника собрали наличные деньги, найденные в пункте обмена валюты, в мешок, который принесли с собой. Тем временем вооруженный охранник пункта обмена валюты, P.I., ворвался в помещение, где был убит первый потерпевший. А.С. дважды выстрелил в него и попал ему в лицо. Охранник погиб мгновенно. А.С. и заявитель покинули здание. Они спрятали орудие убийства в мусорном ведре, выбросили одежду, которая была на них надета, и спрятали похищенные деньги. Через какое-то время они предложили E.E. принести для них деньги, что он и сделал.

34. Заявитель обжаловал приговор. Он жаловался на следующее: приговор был недостаточно мотивирован, его вина не была установлена, суд первой инстанции принял ошибочное решение, были допущены нарушения процессуального и материального права, региональный суд не был беспристрастным.

35. Адвокат заявителя подал ходатайство об отводе всем судьям Бургасского апелляционного суда. Он утверждал, что освещение уголовного дела в прессе создало обстановку нетерпимости и враждебности по отношению к его подзащитному. Защита требовала вызвать дополнительного свидетеля, повторно допросить одного из свидетелей, уже допрошенных судом первой инстанции, и назначить проведение нескольких дополнительных экспертиз. 4 декабря 2001 г. судья-докладчик, ответственный за уголовное дело, отклонил ходатайства о сборе дополнительных доказательств как не имеющие значения. Он отклонил отвод судьям Апелляционного суда из-за отсутствия доказательств пристрастности.

36. Апелляционный суд рассматривал уголовное дело с февраля по июль 2002 года. Он допросил нового свидетеля и получил дополнительные заключения психиатрической экспертизы о психическом состоянии двух обвиняемых.

37. 6 августа 2002 г. Апелляционный суд оставил без изменения приговор суда первой инстанции, поддержав фактические и правовые выводы последнего. Доказательства, собранные во время предварительного следствия, представленные в суде первой инстанции и Апелляционном суде, подтверждали, что двое обвиняемых планировали и осуществили разбойное нападение на пункт обмена валюты и что два потерпевших были убиты А.С. Однако заявитель был подстрекателем этих преступлений и предоставил оружие, примененное его сообщником. Апелляционный суд сослался на показания многочисленных свидетелей, допрошенных в ходе рассмотрения дела, на показания баллистической, технической и бухгалтерской экспертиз, а также на собранные вещественные и документальные доказательства.

38. Апелляционный суд отметил, что первоначальные показания обвиняемого во время предварительного следствия существенно отличались от его объяснений суду первой инстанции. Первоначальные показания подтверждали вывод об участии в совершении данных преступлений, тогда как в последующих он изложил версию о совершении этих преступлений гражданином Ирана. Апелляционный суд с доверием отнесся к первоначальным показаниям обвиняемого, которые были даны им следователю в присутствии его адвокатов после предъявления официальных обвинений. В связи с этим обвиняемым было разъяснено, что их показания могут быть использованы в суде с целью установления фактов, и их предварительное медицинское обследование не выявило следов физического насилия, что противоречило утверждению защитника о том, что первоначальное признание было сделано заявителем вследствие принуждения.

39. Апелляционный суд принял во внимание версию заявителя о том, что два убийства и раз-

бойное нападение были совершены V., гражданином Ирана, и что сам заявитель в период, относящийся к обстоятельствам дела, находился на своем рабочем месте в г. Софии. Проверки, проведенные по базе данных Министерства внутренних дел, установили, что гражданин Ирана с таким именем в Болгарии не находился. Действительно заявитель был на рабочем месте в г. Софии 2 июля 1999 г. Однако он работал ночным сторожем, а разбойное нападение и убийства были совершены рано утром, что давало достаточно времени для преодоления расстояния между городами Бургас и София и прибытия на работу вечером того же дня. Апелляционный суд счел неубедительными показания единственного свидетеля, который подтвердил версию заявителя.

40. Апелляционный суд отметил, что в приговоре суда первой инстанции не было обнаружено процессуальных нарушений, упомянутых стороной защиты. Фактические и правовые выводы окружного суда не были основаны исключительно на признании обвиняемого, а на всей совокупности последовательных доказательств, собранных во время уголовного разбирательства. Заявитель активно участвовал в разбирательстве, его адвокаты подали несколько ходатайств, связанных с ходом судебного процесса и сбором доказательств. Окружной суд ответил на все эти ходатайства и предоставил полную мотивировку своих процессуальных решений. Кроме того, отсутствовали признаки предвзятости судей, рассматривавших дело, и разбирательство осуществлялось таким образом, чтобы гарантировать интересы сторон.

41. Апелляционный суд исключил показания одного свидетеля в связи с несоблюдением процессуальных правил, но не счел эти показания решающими с точки зрения фактических и правовых выводов по делу. Он указал, что, даже если окружной суд промедлил с указанием оснований приговора, защита, тем не менее, могла представить дополнительные объяснения в жалобе после получения копии этих оснований.

42. Заявитель подал кассационную жалобу, напомнив свои объяснения Апелляционному суду. В этой 40-страничной жалобе его адвокат выдвинул 74 возражения относительно сбора и толкования различных доказательств, а также фактических и правовых выводов нижестоящих судов. В пункте 33 жалобы адвокат оспорил допустимость протокола реконструкции событий от 7 октября 1999 г., утверждая, что в указанный день его клиент не пользовался помощью адвоката по своему выбору. В это время его клиент пользовался услугами официально назначенного адвоката, который не был направлен местной адвокатской ассоциацией, как того требует соответствующее законодательство. Адвокат заявителя добавил, что его клиент был неоспоримо лишен помощи адвоката 4 октября 1999 г., когда он был заключен под

стражу, и расценил это как нарушение положений статьи 70(4) Закона о Министерстве внутренних дел и Конституции. Это было единственное предложение, относящееся к обстоятельствам содержания заявителя под стражей в полиции.

43. Решением от 17 декабря 2003 г. Верховный кассационный суд отклонил кассационную жалобу заявителя. Он решил, что ни одно из обстоятельств, упомянутых стороной защиты, не указывало на пристрастность судей, рассматривавших уголовное дело. Заявитель имел возможность эффективно защищать себя во время уголовного разбирательства: он представлял доказательства и оспаривал доказательства, выдвинутые против него. Нижестоящие суды удовлетворили некоторые его ходатайства о сборе дополнительных доказательств и привели надлежащие мотивы для отклонения иных ходатайств защиты о получении доказательств.

44. Кроме того, поддержав прочие доводы Апелляционного суда, Верховный кассационный суд пришел к выводу, что факты по делу установлены правильно, что нормы материального и процессуального права надлежащим образом применены и что права обвиняемого полностью соблюдались.

В. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

45. Заявитель содержался в следственном изоляторе г. Бургас с 5 октября 1999 г. по 27 января 2000 г. и вновь с начала марта по 14 апреля 2000 г. Он находился в тюрьме г. Бургас с 27 января до начала марта 2000 года и вновь с 14 апреля 2000 г. по 25 февраля 2004 г. Позднее он был переведен в Софийскую тюрьму, где содержится до сих пор.

1. Следственный изолятор г. Бургас

46. Заявитель утверждал, что он содержался в камере без окон, туалета и водопровода. В помещении были неудовлетворительные вентиляция и освещение. Он не имел права находиться вне здания. Доступ к санитарному оборудованию был ограничен, и время, отведенное для умывания, было недостаточным. Заявитель подчеркнул, что гигиенические условия в следственном изоляторе были плачевными. Впоследствии он был переведен в другую камеру с двумя другими заключенными. Трое заключенных должны были спать по очереди, поскольку в камере была только одна скамья.

47. Согласно докладу генерального директора тюрем, представленному властями Болгарии, в то время единственной мебелью в камерах следственного изолятора г. Бургас были скамьи. В камерах отсутствовали окна, и дневной свет проникал через отверстия в металлических пластинах, прикрепленных к дверям. Данный изолятор имел только

один общий умывальник, и отсутствовала возможность нахождения заключенных на открытом воздухе. В докладе также упоминалось, что с 2002 по 2009 год изолятор подвергся полной реконструкции и перестройке, чтобы условия содержания под стражей не нарушали человеческое достоинство заключенных.

2. Тюрьма г. Бургас

48. Заявитель утверждал, что его камера в тюрьме г. Бургас была площадью 6 кв. м. В ней имелись кровать и металлическая полка. В камере отсутствовали водопровод и туалет. Он использовал пластмассовое ведро для отправления своих естественных потребностей. Как и всем другим заключенным, ему было разрешено выходить из камеры на 30 минут три раза в сутки, чтобы опорожнить ведро и наполнить бутылку водой. В подтверждение своих требований заявитель сослался на показания своего сообвиняемого А.С., который содержался с ним в таких же условиях в тюрьме г. Бургас. Заявитель добавил, что он был вынужден носить форму заключенного, хотя согласно тюремным правилам ему было разрешено ходить в собственной одежде.

49. Заявитель пояснил, что при поступлении в тюрьму г. Бургас он был лишен прогулок. Согласно показаниям А.С. (см. § 48 настоящего Постановления) заключенным разрешалась одна часовая прогулка в день. Заявитель не участвовал в какой-либо организованной деятельности в тюрьме г. Бургас. Он представил несколько запросов, направленных тюремной администрации, о разрешении на прохождение профессионального обучения и профессиональных программ и просил о переводе в Софийскую тюрьму, чтобы быть ближе к семье, но какие-либо меры по его обращениям не принимались.

50. Согласно докладу начальника тюрьмы г. Бургас, представленному властями Болгарии, у заявителя были проблемы с адаптацией к тюремным правилам, его отношение к надзирателям и тюремной администрации было агрессивным и неуважительным. Однако заявитель пользовался всеми правами, предоставленными лицам, лишенным свободы. Его условия проживания соответствовали обычным тюремным стандартам. Он имел право на ежедневные прогулки и свободный доступ к тюремной библиотеке. Заявитель несколько раз консультировался с психологом, встречался с тюремным координатором деятельности.

3. Софийская тюрьма

51. После перевода в Софийскую тюрьму заявитель был помещен на «особый» тюремный режим, включая почти полную изоляцию от остальных заключенных.

52. Заявитель указал, что в период с февраля 2004 года до лета 2006 года он находился в камере размером 4 × 2 м, в которой содержались и другие заключенные. Две кровати занимали большую часть пространства, оставляя двум заключенным свободную площадь всего в 2 кв. м. В камере отсутствовал водопровод, и заключенные использовали ведро в качестве туалета.

53. Заявитель сообщил, что он проводил большую часть дня сидя на кровати из-за недостаточности свободного пространства в камере. Он принимал пищу в камере, ему разрешалось ежедневно гулять в тюремном дворе в течение часа. Его доступ к тюремной библиотеке был ограничен несколькими минутами, которые требовались на выбор и получение книги, после чего его немедленно отводили обратно в камеру. Заявителю разрешалось посещать тюремную часовню дважды в год, на Пасху и Рождество, но не во время богослужений, поэтому он не мог встречаться с другими заключенными.

54. До 2005 года тюремный корпус усиленной безопасности был переполнен и больные заключенные содержались вместе с остальными, что способствовало распространению инфекционных заболеваний. Условия содержания улучшились после работ по проведению реконструкции в корпусе усиленной безопасности в 2005 и 2006 годах. В декабре 2008 года тюремный режим заявителя был ослаблен. Однако, как и все заключенные этой категории, он был по-прежнему изолирован от остальных заключенных, и его камера запиралась в течение дня. В 2004 и 2005 годах он иногда работал в своей камере, складывая конверты. После 2010 года ему было разрешено посещать игровую комнату, где он мог общаться с другими осужденными к пожизненному лишению свободы и читать книги.

55. Согласно докладу начальника Софийской тюрьмы, датированному 11 октября 2011 г., в корпусе усиленной безопасности Софийской тюрьмы была сделана полная реконструкция в 2005 и 2006 годах. В дату данного доклада заявитель содержался в индивидуальной камере, площадь которой составляла 7,7 кв. м, в ней были кровать, стол, полка, душ и отдельный туалет. Его камера отапливалась, в ней имелись водопровод и надлежащее освещение.

56. Если не считать ограничений, установленных его тюремным режимом, у заявителя был доступ ко всем видам деятельности, которую могли осуществлять другие заключенные: он мог работать, посещать библиотеку и тюремную часовню, иметь свидания со своими родственниками, писать и получать письма. Он также имел право на смягчение своего тюремного режима в соответствии со статьей 198 Закона о тюрьмах при условии положительного отзыва от соответствующей специальной комиссии и мог быть

впоследствии размещен с остальными заключенными.

57. Кроме того, в 2010 году заявитель обратился с требованием о признании недействительными ряда норм, имплементирующих правила Закона о тюрьмах, что касается условий отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. Его требование было отклонено окончательным решением от 14 сентября 2011 г., вынесенным Верховным административным судом, который решил, что оспариваемые положения других имплементирующих правил не противоречат Закону о тюрьмах и что принятие правил не влекло нарушения, оправдывающего признание их недействительными.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. УСЛОВИЯ ОТБЫТИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И КОМПЕНСАТОРНЫЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА 1988 ГОДА

58. Соответствующее законодательство Болгарии и прецедентная практика относительно правил исполнения наказаний в виде лишения свободы и исков о возмещении вреда в связи с неудовлетворительными условиями содержания под стражей кратко изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria) (жалобы №№ 15018/11 и 61199/12, §§ 108–135 и 136–146, ECHR 2014 (извлечения)).

В. ПРАВО НА ПОМОЩЬ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ И РАЗЪЯСНЕНИЕ ЗАДЕРЖАННЫМ ИХ ПРАВ

1. Закон о Министерстве внутренних дел и его имплементирующие правила

59. Закон о Министерстве внутренних дел 1997 года и имплементирующие его правила 1998 года позволяли полиции задерживать подозреваемых в совершении преступлений и заключать их под стражу на 24 часа. Задержанные имели право на юридическую помощь с момента их задержания. Соответствующие положения закона и имплементирующих правил в редакции, действовавшей в момент задержания заявителя, предусматривают следующее:

«...Статья 70 Закона [о Министерстве внутренних дел¹] 1997 года

(1) Полиция может задерживать лиц:

1) совершивших преступления...

(4) Задержанные имеют право на юридическую помощь с момента их задержания...

Правило 54 имплементирующих правил к Закону

(1) Ордер на заключение под стражу выдается в отношении лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.

(2) Ордера, выданные в соответствии с вышеизложенным пунктом 1, должны содержать:

...5) права, предоставленные заинтересованному лицу в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 70 Закона о Министерстве внутренних дел.

(3) Ордер должен быть подписан полицейским органом и заключенным...

(6) Копия ордера вручается заключенному».

60. В момент задержания заявителя внутригосударственное законодательство не предусматривало вручения заключенным под стражу отдельного документа, излагающего их права, включая право на юридическую помощь.

61. 6 марта 2002 г. министр внутренних дел издал внутреннюю инструкцию, в которой указывалось, что сразу после задержания заключенные под стражу должны подписать две копии документа с изложением их прав, включая право на юридическую помощь.

62. В 2003 году в пункт 3 имплементирующего правила 54 Закона о Министерстве внутренних дел (см. § 59) были внесены изменения. Новая редакция правила предусматривала предоставление заключенным под стражу «декларации прав», которую они должны были подписать, указав, в частности, на свое намерение воспользоваться своим правом на юридическую помощь или отказаться от него. Новая формулировка пункта предусматривала следующее:

«(3) Заключенный под стражу заполняет декларацию, указав, что ему разъяснены его права, и то, намерен ли он воспользоваться своими правами, предусмотренными подпунктами (b)–(e) пункта (2)».

63. Законодательство Болгарии и правила, введенные в данной сфере с этого времени, включают ссылку на «декларацию прав», которую заключенные должны подписать после задержания.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Болгарии

64. Во время данного разбирательства Уголовно-процессуальный кодекс Болгарии 1974 года разрешал следователям, ведущим уголовные дела, заключать подозреваемых под стражу на

24 часа. Срок содержания под стражей мог быть продлен прокурором не более чем на трое суток. Законодательные нормы о содержании под стражей и правах подозреваемого во время содержания под стражей предусматривали следующее:

«Статья 202

(1) Следователь может, даже в отсутствие санкции прокурора, принять решение о предварительном заключении за совершение преступления, которое требует обязательного преследования и для которого предварительное следствие является обязательным, если:

1) лицо задержано во время совершения преступления или сразу после него;

2) очевидец указал на лицо как на совершившее преступление;

3) на теле, одежде лица или в его месте жительства обнаружены явные следы преступления;

4) данное лицо попыталось скрыться...

Статья 203

(1) Следователь обязан уведомить прокурора о заключении под стражу в течение 24 часов с указанием его причин.

(2) Прокурор должен немедленно утвердить или отменить ордер на заключение под стражу. При обстоятельствах, изложенных в пунктах 1 и 3 части 1 статьи 202, если заключение под стражу применено за совершение тяжкого преступления, требующего обязательного преследования, прокурор может продлить срок содержания под стражей не более чем на трое суток.

(3) Если по истечении срока, указанного выше в частях 1 и 2, заинтересованное лицо не было обвинено в преступлении, следователь обязан освободить его...

Статья 206

(1) Лица, в отношении которых выдан ордер на заключение под стражу... в значении статьи 202, имеют следующие права: быть уведомленными о преступлениях, в которых они подозреваются; делать заявления; обращаться в суд... оспаривать меры, принятые органами, ответственными за предварительное расследование...

2) В отношении заявлений... указанных в предыдущей части, положения статей 73 [и] 87... применимы с необходимыми изменениями».

65. Во время предварительного расследования подозреваемый формально уведомляется о выдвинутых против него обвинениях посредством обвинительного заключения. Это дает ему официальный статус обвиняемого (*обвиняем*). С этого момента показания лица могут фиксироваться для использования в качестве доказательства в уголовном разбирательстве. Обвиняемый имеет несколько процессуальных прав, включая право на помощь адвоката на стадии предварительного расследования. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Болгарии 1974 года предусматривают следующее:

¹ Текст в квадратных скобках добавлен при переводе (*примеч. редактора*).

«Статья 50

Обвиняемым признается лицо, которое обвинено при условиях и в соответствии с порядком, предусмотренным настоящим кодексом.

Статья 51

(1) Обвиняемый имеет следующие права: 1) знать, в чем он обвиняется, и знакомиться с доказательствами, на которых основаны обвинения, давать показания по поводу обвинений, знакомиться с материалами дела и получать требуемые копии материалов дела, представлять доказательства, принимать участие в уголовном разбирательстве, заявлять ходатайства... давать объяснения последним во время допроса, оспаривать решения судов и органов предварительного следствия, затрагивающие его права и законные интересы, использовать помощь защитника. По ходатайству обвиняемого защитник присутствует при производстве следственных действий...

Статья 67

(1) Защитником может быть представитель юридической профессии...

Статья 70

(1) Участие защитника в уголовном разбирательстве является обязательным, если:

...3) уголовное дело касается преступления, наказываемого смертной казнью, пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок не менее 10 лет.

(3) Если участие защитника является обязательными, уполномоченный орган обязан назначить защитника из числа лиц, практикующих юридическую профессию.

(4) Официально назначенный защитник устраняется из уголовного разбирательства, если обвиняемый привлекает другого защитника...

Статья 72

(1) Обвиняемый может на любой стадии разбирательства отказаться от своего права на помощь защитника, кроме ситуаций, упомянутых в пунктах 1–3 части 1 статьи 70...

Статья 73

(1) Защитник может принимать участие в уголовном разбирательстве с момента задержания заинтересованного лица или предъявления ему обвинений.

(2) Орган, ответственный за предварительное расследование, обязан уведомить обвиняемого о его праве на помощь защитника и разрешить ему свидания с ним. Данный орган не может принимать какие-либо следственные меры до исполнения этой обязанности...

Статья 85

(1) Доказательства устанавливаются на основании показаний обвиняемого, показаний подозреваемого, свидетельских показаний, протоколов следственных и процессуальных действий и иных средств, предусмотренных настоящим кодексом.

(2) Доказательства, которые не были собраны или оформлены в соответствии с правилами настоящего кодекса, признаются недопустимыми...

Статья 87

(1) Обвиняемый дает показания устно и непосредственно в уполномоченном органе. Если обвиняемый ходатайствует об этом, то он дает показания в присутствии защитника. Такое ходатайство должно быть внесено в протокол, и защитник должен быть привлечен к участию в допросе...

(3) Обвиняемый может отказаться от дачи показаний...

Статья 91

(1) Обвинение и признание виновным не могут быть основаны исключительно на показаниях обвиняемого.

(2) Признательные показания обвиняемого не освобождают компетентные органы от обязанности собрать иные доказательства в ходе разбирательства».

3. Прецедентная практика

66. Согласно последовательной прецедентной практике Верховного кассационного суда Болгарии если органы, ответственные за уголовные расследования, не смогли предъявить подозреваемому официальные обвинения в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Болгарии, это упущение составляет ограничение прав защиты и вынуждает суды возратить дело на стадию предварительного расследования и вышеупомянутым органам, чтобы те могли устранить упущение (*Тълкувателно решение от 7 октябрия 2002 г. № 2 на ВКС по т.н.д. № 2/2002 г., ОСНК*).

67. Аналогичным образом отсутствие защитника во время предъявления обвинений подозреваемому и производство последующих следственных мер, если юридическая помощь является обязательной в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Болгарии, составляют серьезный процессуальный недостаток, который делает необходимым возвращение дела органам, ответственным за проведение предварительного расследования (*Решение от 21 апреля 1992 г. № 68 по н.д. № 986/91 г. на ВС, I н.о.*). В такой ситуации эти органы должны повторить данные следственные меры в присутствии защитника (*Решение от 31 октября 1991 г. № 604 по н.д. № 436/91 г. на ВС, I н.о.*).

68. Согласно последовательной прецедентной практике судов Болгарии доказательства, собранные с нарушением правил, изложенных в Уголовно-процессуальном кодексе Болгарии, включая показания сотрудников полиции, не имеют доказательной ценности и должны быть устранены из материалов дела (*Решение от 21 ноября 1997 г. № 179 на ВКС по н.д. № 182/1997 г. ВК, Решение от 8 июля 2003 г. № 361 на ВКС по н.д. № 123/2003 г., III н.о., Решение от 21 января 2009 г. № 518 на ВКС по н.д. № 435/2008 г., II н.о., НК*).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

A. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

69. Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее – Пакт) защищает право на справедливое судебное разбирательство. Соответствующие положения этой статьи Пакта предусматривают следующее:

«Статья 14

...3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства:

...b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником...

d) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом таком случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника;

e) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него...».

70. Комитет по правам человека (далее – КПЧ) является органом, ответственным за мониторинг и имплементацию Пакта путем периодических отчетов государств и индивидуальных жалоб.

71. Комитет по правам человека полагает, что юридическая помощь должна быть возможна не только на судебной, но и на любой стадии разбирательства (см. «Келли против Ямайки» (Kelly v. Jamaica), 1991 год, жалоба № 253/1987, § 5.10, и «Борисенко против Венгрии» (Borisenko v. Hungary), 2002 год, жалоба № 852/1999, § 7.5), в том числе во время допроса в полиции (см. «Гридин против Российской Федерации» (Gridin v. Russian Federation), 2000 год, жалоба № 770/1997, § 8.5). Однако в деле «Левинов против Белоруссии» (Levinov v. Belarus) (2011 год, жалоба № 1812/2008, § 8.3) КПЧ указал, что в отсутствие каких-либо следственных мер в период, когда подозреваемый не имел доступа к адвокату, власти не нарушили требования подпункт «b» пункта 3 статьи 14 Пакта.

72. Что касается права быть информированным о праве на адвоката, в своих заключительных объяснениях Четвертого периодического доклада относительно Нидерландов ((2009), UN doc. CCPR/C/NDL/CO/4, § 11) КПЧ отметил, что государства должны полностью обеспечивать право

на свидание с защитником до допроса в полиции и чтобы лица, подозреваемые в совершении преступления, были информированы при задержании об их праве на юридическую помощь.

73. Кроме того, в ряде дел КПЧ установил нарушение подпункта «d» пункта 3 статьи 14 Пакта в связи с уклонением информирования обвиняемого о его праве на юридическую помощь (см. «Саидова против Таджикистана» (Saidova v. Tajikistan), 2004 год, жалоба № 964/2001, и «Хорошенко против Российской Федерации» (Khoroshenko v. Russian Federation), 2011 год, жалоба № 1304/2004).

B. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

74. Директива 2012/13/EU Европейского парламента и Совета о праве на информацию в уголовном процессе была принята 22 мая 2012 г. Предельным сроком для ее транспозиции в законодательство государств – членов Европейского союза являлось 2 июня 2014 г. В соответствующих положениях указанной директивы предусматривается следующее:

«Статья 1. Предмет

Настоящая директива устанавливает правила по поводу права на информацию подозреваемых и обвиняемых относительно их прав в уголовном разбирательстве и предъявления им обвинений...

Статья 2. Сфера применения

1. Настоящая директива применяется с момента, когда уполномоченные органы государства-члена сообщают лицам, что они подозреваются или обвиняются в совершении преступления до окончания разбирательства...

Статья 3. Право на информацию о правах

1. Государства-члены должны обеспечить любому подозреваемому или обвиняемому безотлагательное предоставление информации как минимум о следующих процессуальных правах, предусмотренных в соответствии с внутригосударственным законодательством, чтобы они могли эффективно осуществлять:

(a) право доступа к адвокату...

2. Государства-члены должны обеспечить, чтобы информация, предоставляемая в соответствии с пунктом 1, сообщалась в устной или письменной форме на простом и доступном языке с учетом конкретных потребностей уязвимых подозреваемых или уязвимых обвиняемых.

Статья 4. Уведомление о правах при задержании

1. Государства-члены должны обеспечить незамедлительное предоставление арестованным или задержанным подозреваемым либо обвиняемым письменного «Уведомления о правах». Им должна быть предоставлена возможность прочи-

тать уведомление о правах и оставить его в своем распоряжении в течение всего срока лишения свободы...».

75. Директива 2013/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза 2013/48/ЕС, *inter alia*, о праве на доступ к адвокату в уголовном производстве была принята 22 октября 2013 г. Предельным сроком для ее транспозиции в законодательство государств – членов Европейского союза являлось 27 ноября 2016 г. В соответствующих положениях директивы указывается следующее:

«Статья 1. Предмет

Настоящая директива устанавливает минимальные правила в отношении [прав] подозреваемых и обвиняемых в уголовном производстве... на доступ к адвокату...

Статья 2. Сфера применения

1. Настоящая директива распространяется на подозреваемых и обвиняемых в уголовном производстве с момента, когда они ознакомлены компетентными органами государства – члена ЕС официальным уведомлением или иным образом о том, что они подозреваются или обвиняются в совершении уголовного преступления, независимо от того, лишены они свободы или нет. Она применяется до тех пор, пока производство по уголовному делу не завершится...

Статья 3. Право на доступ к адвокату в уголовном производстве

1. Государства – члены ЕС должны гарантировать, что подозреваемые и обвиняемые имеют право на своевременный доступ к адвокату в такой форме, которая позволит соответствующим лицам осуществлять свое право на защиту на практике и по существу.

2. Подозреваемые и обвиняемые должны иметь своевременный доступ к адвокату. В любом случае подозреваемые и обвиняемые должны получить доступ к адвокату:

(а) до того, как они будут допрошены полицией или иным правоохранительным или судебным органом;

(б) непосредственно после завершения следственных или иными компетентными органами следственных действий или действий по сбору доказательств в соответствии с пунктом «с» параграфа 3;

(с) сразу же после лишения свободы;

(д) если их вызвали в суд, уполномоченный разбирать уголовные дела, в установленный срок до их выступления в суде.

3. Право на доступ к адвокату должно включать в себя следующее:

(а) государства – члены ЕС должны гарантировать, что подозреваемые или обвиняемые имеют право встречаться наедине и общаться с адвокатом, представляющим их, в том числе до начала допроса, проводимого полицией или иным правоохранительным или судебным органом;

(б) государства-члены должны гарантировать, что подозреваемые или обвиняемые имеют право

на то, чтобы их адвокат присутствовал во время допроса и участвовал в нем. Это участие должно соответствовать процедурам национального законодательства при условии, что такие процедуры не наносят ущерба эффективному осуществлению и сущности соответствующего права. Участие адвоката в допросе должно быть зафиксировано с помощью процедуры записи согласия законодательству соответствующего государства – члена ЕС;

(с) государства – члены ЕС должны гарантировать, что подозреваемые или обвиняемые имеют право как минимум на то, чтобы их адвокат присутствовал во время проведения последующих следственных действий и действий по сбору доказательств, если такие действия предусмотрены национальным законодательством и если присутствие подозреваемого или обвиняемого необходимо и разрешено во время проведения следующего действия:

(i) опознания;

(ii) очной ставки;

(iii) реконструкции события преступления.

4. Государства – члены ЕС должны прилагать все усилия для того, чтобы сделать доступной общую информацию, которая поможет подозреваемым или обвиняемым воспользоваться услугами адвоката.

Невзирая на положения национального законодательства об обязательном присутствии адвоката, государства – члены ЕС должны принять необходимые меры для того, чтобы гарантировать, что подозреваемые или обвиняемые, лишённые свободы, могут эффективно осуществлять свое право на доступ к адвокату, кроме тех случаев, когда они отказались от этого права в соответствии со статьей 9...

Статья 9. Отказ от права

1. Без ущерба действию национального законодательства, требующего обязательного присутствия или помощи адвоката, государства – члены ЕС должны гарантировать, что в отношении любого отказа от права, указанного в статьях 3 и 10:

(а) подозреваемым или обвиняемым в устной или письменной форме предоставили ясную и достаточную информацию на простом и понятном языке о содержании соответствующего права и возможных последствиях отказа от него,

и

(б) отказ сделан добровольно и однозначно.

2. Отказ, который может быть сделан в письменной или устной форме, равно как и обстоятельства, при которых он делается, должны быть зафиксированы с помощью процедуры записи в соответствии с законодательством соответствующего государства – члена ЕС.

3. Государства – члены ЕС должны гарантировать, что подозреваемые или обвиняемые могут отменить отказ в любой момент уголовного производства, а также гарантировать, что они проинформированы о подобной возможности. Такая отмена должна иметь юридическую силу с момента своего совершения».

IV. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ ИЛИ НАКАЗАНИЯ

76. Делегация Европейского комитета против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) посещала следственный изолятор г. Бургас в 1999 году. Соответствующая часть доклада, опубликованного после этого посещения, цитировалась в § 54 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу¹.

77. Делегация ЕКПП посещала тюрьму в г. Бургас в апреле 2002 года. Соответствующая часть доклада, опубликованного делегацией, цитировалась в § 55 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

78. Делегация ЕКПП посещала Софийскую тюрьму в сентябре 2006 года, декабре 2008 года, марте и апреле 2014 года и феврале 2015 года. Были опубликованы четыре доклада о ее посещениях. Имеющие отношение к делу доклады о первых трех посещениях процитированы в §§ 57–59 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

79. В соответствующих частях доклада о последнем посещении этой тюрьмы указывалось следующее:

«3. Условия содержания под стражей

(а) Материальные условия

...39. Во время посещения в закрытой части Софийской тюрьмы содержались 816 заключенных при официальной вместимости 650 человек. В закрытой части тюрьмы г. Варна находились 422 заключенных при официальной вместимости 350 человек. Что касается тюрьмы г. Бургас, во время посещения там содержались 579 заключенных в закрытой части при официальной вместимости 371 человек.

В трех тюрьмах подавляющее большинство камер было сильно переполнено... Ситуация в Софийской тюрьме и тюрьме г. Варна оставалась аналогичной той, которая наблюдалась в прошлом, когда большинство заключенных содержалось в жизненном пространстве, едва превышавшем 2 кв. м на человека.

40. Ситуация дополнительно усугублялась тем фактом, что материальные условия во всех трех тюрьмах, посещенных в 2015 году, демонстрировали все ухудшающееся состояние обветшалости и непригодности, несмотря на некоторые отмеченные косметические меры, принятые в последний момент. Большая часть общего санитарного оборудования в Софийской тюрьме, тюрьмах городов Бургас и Варна была совершенно обветшалой и негигиеничной. Кроме того, оно было доступно заключенным только днем, ночью боль-

шинство заключенных должны были пользоваться ведрами (по одному на камеру).

В основном камеры были оборудованы двух- и трехъярусными кроватями, доступ к естественному освещению и вентиляции был неудовлетворительным. Стены были покрыты плесенью, полы требовали ремонта, потолки протекали, в камерах водились тараканы, клопы и другие насекомые. В этом отношении следует отметить, что заключенным не предоставлялись средства для уборки.

Отопление работало только пару часов в день (согласно замерам делегации в камерах было примерно +14 °C и +10 °C в прикамерных туалетах в Софийской тюрьме...).

Таким образом, можно утверждать, что в целом эти учреждения были непригодны для размещения людей и представляли серьезную угрозу для здоровья заключенных и персонала. Несмотря на продолжающуюся критику, не отмечается какого-либо прогресса в отношении исполнения рекомендаций ЕКПП, данных после его посещений в 2010, 2012 и 2014 годах. Следовательно, по мнению ЕКПП, материальные условия в трех тюрьмах могли рассматриваться как составляющие бесчеловечное и унижающее достоинство обращение...

(b) Режим

...43. Возможности полезной деятельности в Софийской тюрьме, тюрьмах городов Варна и Бургас были весьма ограничены. Камеры не запирались в течение дня (за исключением отделения усиленной безопасности и приемного отделения), и большинство заключенных просто ходили по коридорам или находились в своих камерах, где смотрели телевизор или играли друг с другом в настольные игры. Все заключенные имели доступ к библиотеке и многоконфессиональной зоне.

Единственным видом деятельности для большинства заключенных была прогулка, которая обычно продолжалась один час в тюрьме г. Варна, полтора часа в Софийской тюрьме и два часа в тюрьме г. Бургас.

44. Что касается работы, то в Софийской тюрьме 258 заключенных работали (но 120 рабочих мест были неоплачиваемыми) в основном в ремонтных службах тюрьмы... Образовательная деятельность была предложена 78 заключенным в Софийской тюрьме и 49 заключенным в тюрьме г. Варна. Другие виды деятельности включали языковые курсы и компьютерную подготовку (225 заключенных участвовали в ней в Софийской тюрьме)...».

80. 26 марта 2015 г. ЕКПП выступил с публичным заявлением по Болгарии в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. В нем указывалось следующее (сноски опущены):

«1. Европейский комитет против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) 10 раз посещал Болгарию начиная с 1995 года. В ходе этих посещений делегации ЕКПП побывали во всех тюрьмах, кроме одной, нескольких следственных изоляторах (СИЗО) и во многих полицейских учреждениях в стране.

¹ Имеется в виду Постановление Палаты Европейского Суда по данному делу от 21 октября 2015 г. (примеч. редактора).

2. Во время вышеупомянутых посещений были выявлены серьезные недостатки, особенно в полицейских и пенитенциарных учреждениях. За последние 20 лет относительно этих двух сфер давались неоднократные рекомендации.

В своих докладах ЕКПП много раз привлекал внимание властей Болгарии к тому факту, что принцип сотрудничества между государствами-участниками и ЕКПП, установленный в статье 3 Конвенции об учреждении ЕКПП, не ограничивается мерами, принятыми для содействия задачам посещающей делегации. Он также требует принятия решительных мер для улучшения ситуации в свете рекомендаций ЕКПП.

Огромное большинство этих рекомендаций осталось неисполненным или частично исполненным. В ходе посещений ЕКПП Болгарии в 2010, 2012, 2014 и 2015 годах делегации ЕКПП наблюдали отсутствие решительных действий со стороны властей, влекущее стойкое ухудшение ситуации лиц, лишенных свободы.

3. В докладе по поводу посещения 2012 года ЕКПП выразил крайнюю озабоченность относительно отсутствия прогресса, наблюдаемого в пенитенциарной системе Болгарии, и подчеркнул, что это может вынудить ЕКПП рассмотреть обращение к пункту 2 статьи 10 Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

Данная процедура была приведена в действие после посещения в марте-апреле 2014 года. Выводы ЕКПП во время этого посещения продемонстрировали стойкое уклонение властей Болгарии от устранения некоторых фундаментальных недостатков в обращении и условиях содержания под стражей лиц, лишенных свободы. Доклад о посещении выявил ряд застарелых проблем, часть которых восходила к первому периодическому посещению Болгарии в 1995 году, что касается жестокого обращения (в полицейском и тюремном контексте), насилия в отношении заключенных, переполненности тюрем, неудовлетворительных материальных условий содержания под стражей в СИЗО и тюрем, ненадлежащих услуг здравоохранения и низкого уровня подготовки тюремного персонала, а также проблем с дисциплиной, сегрегацией и контактов с окружающим миром.

4. Реакция властей Болгарии на посещение ЕКПП в 2014 году и на письмо, в котором он информировал власти о начале процедуры, предусмотренной пунктом 2 статьи 10 Конвенции¹, как минимум не смягчила озабоченность ЕКПП. В частности, реакция была лаконичной, содержала очень мало новой информации и не учитывала большинство рекомендаций ЕКПП, обычно просто цитируя действующее законодательство и/или объясняя бездействие бюджетными ограничениями. Кроме того, большая часть информации, содержащейся в докладе ЕКПП относительно жестокого обращения и насилия в отношении заключенных, была просто проигнорирована.

¹ Имеется в виду Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (примеч. переводчика).

Таким образом, посещение 2015 года предоставило ЕКПП возможность оценить прогресс в исполнении его предыдущих рекомендаций и, в частности, пересмотреть условия обращения и содержания в Софийской тюрьме, тюрьмах городов Бургас и Варна, а также в Софийском СИЗО (расположенном на бульваре Г.М. Димитрова).

К сожалению, выводы, сделанные во время вышеупомянутого посещения, указывали, что в исполнении ключевых рекомендаций, которые неоднократно давал ЕКПП, не был достигнут прогресс или он был недостаточен.

По этим причинам у ЕКПП не было иного выбора, кроме как сделать публичное заявление в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции, и он принял это решение на своем 86-м пленарном заседании в марте 2015 года.

Жестокое обращение в полиции

5. В ходе посещения 2015 года делегация ЕКПП получила значительное количество данных об умышленном физическом жестоком обращении с лицами, содержащимися в полиции. Количество таких сообщений не уменьшилось после посещения 2014 года, но даже увеличилось в городах София и Бургас. Предполагаемое жестокое обращение обычно состояло из пощечин, пинков и в некоторых случаях ударов дубинкой. Делегация заключила, что мужчины и женщины (включая молодежь) продолжали подвергаться в полиции значительному риску жестокого обращения во время задержания и последующих допросов.

6. Весьма незначительный прогресс, если он вообще имел место, был достигнут в отношении правовых гарантий против жестокого обращения со стороны полиции, а ключевые рекомендации ЕКПП в этой сфере еще предстоит исполнить. В частности, доступ к адвокату остается исключением в первые 24 часа содержания в полиции, а адвокаты по назначению не исполняют свою функцию в качестве гарантии против жестокого обращения. Кроме того, лица, содержащиеся в полиции, редко имеют возможность безотлагательно уведомить лицо по своему выбору о заключении под стражу и быть систематически проинформированными об их правах с начала содержания под стражей...

Содержание под стражей в учреждениях Министерства юстиции

8. Ситуация относительно физического жестокого обращения с заключенными со стороны персонала остается тревожной в трех тюрьмах, посещенных в 2015 году. Многие обвинения в умышленном физическом жестоком обращении (обычно состоявшем из пощечин, ударов, пинков и ударов дубинкой) вновь высказывались в Софийской тюрьме, тюрьмах городов Бургас и Варна, делегация Комитета была перегружена такими утверждениями. В ряде дел делегация сочла медицинские данные совместимыми с поступившими утверждениями...

12. Переполненность остается весьма острым вопросом в Болгарии. Например, в тюрьме г. Бургас большинство заключенных имели менее 2 кв. м жилой площади в многоместных камерах, следственный сектор представлял заслуживающее

внимания исключение. Ситуация в Софийской тюрьме оставалась аналогичной той, которая наблюдалась в прошлом, на большинство заключенных приходилось чуть более 2 кв. м жилой площади на человека.

13. Материальные условия в Софийской тюрьме, тюрьмах городов Бургас и Варна по-прежнему характеризовались всё ухудшающимся состоянием обветшалости. В частности, основная часть санитарного оборудования в этих трех тюрьмах была устаревшей и негигиеничной, а отопительные системы в них функционировали только несколько часов в сутки. Большинство заключенных по-прежнему не имели постоянного доступа к туалету ночью и должны были использовать ведра и бутылки для отправления естественных потребностей. Кухни в тюрьмах городов Бургас и Варна (и столовая в тюрьме г. Варна) оставались грязными и антисанитарными, в них кишели вредители, сточные трубы протекали и переполнялись, стены и потолки были покрыты плесенью. Основная часть посещенных учреждений была непригодна для размещения людей и представляла серьезную угрозу для заключенных и персонала. Таким образом, по мнению ЕКПП, материальные условия в трех посещенных тюрьмах могли рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

14. Огромное количество заключенных (включая почти всех находившихся в предварительном заключении) в трех посещенных тюрьмах в ходе посещения 2015 года по-прежнему не имело доступа к организованной деятельности вне камер и ничем не занималось до 23 часов в сутки...

Заключительные замечания

17. В своих предыдущих докладах ЕКПП принял к сведению неоднократные заверения властей Болгарии о том, что будут приняты меры для улучшения ситуации лиц, содержащихся под стражей в полиции или находившихся в учреждениях, относящихся к сфере ответственности Министерства юстиции. Однако выводы после посещения в 2015 году вновь свидетельствуют о том, что относительно вышеупомянутых застарелых проблем было мало что сделано или вообще ничего не было сделано. Подобная ситуация демонстрирует стойкое уклонение властей Болгарии от рассмотрения наиболее фундаментальных недостатков обращения и условий содержания под стражей лиц, лишенных свободы, несмотря на конкретные рекомендации, неоднократно дававшиеся ЕКПП. Комитет придерживается мнения о том, что меры в этом отношении давно назрели и что подход к проблеме лишения свободы в Болгарии требует радикальных изменений.

18. ЕКПП полностью сознает проблемы, с которыми сталкиваются власти Болгарии. По мнению ЕКПП, существует реальная потребность в разработке комплексной пенитенциарной политики вместо сосредоточения исключительно на материальных условиях (которые, как следует подчеркнуть, улучшились лишь в небольшой степени). Несомненное значение имеет создание надлежащей законодательной базы. Однако если законы не подкреплены решительными, конкретными

и эффективными мерами их исполнения, они останутся мертвой буквой, и обращение с лицами, лишенными свободы в Болгарии, и условия их содержания будут в дальнейшем ухудшаться. Что касается обращения с людьми, содержащимися в правоохранительных органах, то требуются решительные действия для обеспечения практического и значимого действия фундаментальных гарантий против жестокого обращения (включая уведомление о заключении под стражу, доступ к адвокату, врачу и информирование о правах).

Цель ЕКПП, делающего настоящее публичное заявление, заключается в том, чтобы мотивировать власти Болгарии и, в частности, Министерства внутренних дел и юстиции и помочь им в принятии решительных мер в соответствии с фундаментальными ценностями, которые разделила Болгария как государство – член Совета Европы и Европейского союза. В этом контексте прежние рекомендации ЕКПП должны рассматриваться как инструмент, который помогает властям Болгарии в выявлении недостатков и принятии необходимых изменений. Осуществляя свой мандат, ЕКПП полностью привержен продолжению своего диалога с властями Болгарии в этих целях».

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

81. В своем меморандуме, представленном в Большую Палату Европейского Суда, и в ходе слушания заявитель просил Большую Палату отменить решение, вынесенное 23 августа 2011 г. Палатой Европейского Суда об объявлении неприемлемой его жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с осуждением к пожизненному лишению свободы.

82. Власти Болгарии оспорили данное требование. Они считали, что это противоречило бы прецедентной практике Европейского Суда, согласно которой на рассмотрение Большой Палаты должна быть передана жалоба, признанная приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда.

83. Европейский Суд напоминает, что содержание и объем «дела», переданного на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, ограничены решением Палаты Европейского Суда о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140 и 141, ECHR 2001-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (Azinas v. Cyprus), жалоба № 56679/00, § 32, ECHR 2004-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, §§ 235 и 236, ECHR 2012 (извлечения), и Поста-

новление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» (Murray v. Netherlands), жалоба № 10511/10¹, § 86, ECHR 2016). Это означает, что Большая Палата Европейского Суда не может рассматривать те части жалобы, которые были объявлены неприемлемыми Палатой. Европейский Суд не находит оснований, чтобы отступить от этого принципа в настоящем деле.

84. Соответственно, в рамках настоящего дела Европейский Суд не имеет юрисдикции для рассмотрения жалобы, поданной в соответствии со статьей 3 Конвенции относительно применения к заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался на условия его содержания под стражей и тюремный режим в следственном изоляторе и тюрьме г. Бургас и Софийской тюрьме. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

86. Заявитель предложил Большой Палате Европейского Суда поддержать заключение Палаты Европейского Суда о том, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

87. Власти Болгарии не представили в Большую Палату Европейского Суда объяснений по этой части жалобы. Однако они подчеркнули, что в настоящее время реализуется широкомасштабная программа по реформированию пенитенциарной системы Болгарии. Эта программа обеспечит применение европейских стандартов обращения с заключенными, в том числе с точки зрения условий содержания под стражей.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

88. Большая Палата Европейский Суд учитывает, что Палата Европейского Суда установила, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции (см. §§ 88–95 Постановления Палаты). В частности, она указала следующее:

«89. Заявитель содержится под стражей с октября 1999 года. После этой даты он содержался в трех различных учреждениях: следственном изоляторе и тюрьме г. Бургас и Софийской тюрьме.

90. Европейский Суд учитывает, что стороны пришли к согласию относительно неадекватности материальных условий, преобладавших в следственном изоляторе г. Бургас с октября 1999 года по апрель 2000 года, когда там содержался заявитель... Доклад о посещении ЕКПП 1999 года подтверждает данный вывод...

91. Заявитель был впоследствии переведен в тюрьму г. Бургас, где оставался с 2000 по 2004 год... В докладе о своем посещении 2002 года делегация ЕКПП указала, что отделение для пожизненно лишенных свободы лиц в тюрьме г. Бургас, где находилась камера заявителя, недавно было отремонтировано, что отдельные камеры имели площадь 6 кв. м, были оборудованы надлежащей вентиляцией и освещением. Основная проблема, отмеченная делегацией ЕКПП, заключалась в ограниченном доступе к общему санитарному оборудованию и использованию заключенными ведер в качестве туалета...

92. 25 февраля 2004 г. заявитель был переведен в Софийскую тюрьму, где продолжил отбывать наказание. Согласно докладам о посещениях ЕКПП этой тюрьмы в 2006, 2008 и 2014 годах все камеры отделения усиленной безопасности имели внутреннее санитарное оборудование... В соответствии с информацией, предоставленной властями Болгарии, эта секция тюрьмы была отремонтирована в 2005 и 2006 годах, и заявитель содержался в индивидуальной камере надлежащих размеров... Однако доклад посещения ЕКПП за 2014 год вновь указывает на общее обветшание отделения Софийской тюрьмы, предназначенного для осужденных к пожизненному лишению свободы, и отсутствие естественного освещения и недостаточную гигиену помещений...

93. Европейский Суд учитывает, что на всем протяжении срока, проведенного в тюрьме, способ и метод исполнения назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы, которые определялись примененным к нему тюремным режимом, были крайне ограниченными. Заявитель был первоначально помещен на так называемый особый тюремный режим: он проводил 23 часа в сутки в запертой камере, в основном на своей кровати, его доступ к тюремной библиотеке был ограничен несколькими минутами, которые отводились на выбор и получение книги, ему разрешалось посещать тюремную часовню два раза в год, встречи с другими заключенными запрещались... В 2008 году его тюремный режим был смягчен... Однако, как и все остальные заключенные этой категории, он по-прежнему содержался отдельно от остальных заключенных, и его камера была заперта в течение дня (*ibid.*). Последовательные доклады ЕКПП свидетельствуют о том, что заключенные в корпусе усиленной безопасности Софийской тюрьмы имеют весьма ограниченный период нахождения вне камеры и содержатся отдельно от других заключенных...

94. С учетом вышеизложенных фактов и, как отмечалось в недавнем Постановлении по делу Харакчиева и Толумова, упоминавшемся выше, §§ 203–214, Европейский Суд полагает, что неудовлетворительные условия содержания заяви-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

² *Ibid.* (лат. сокращение от *ibidem*) – там же (примеч. редактора).

теля под стражей во взаимосвязи с ограничительным режимом, в рамках которого он отбывал свое пожизненное лишение свободы, и длительностью данного лишения свободы подвергли заявителя суровым испытаниям, выходящим за рамки страдания, присущего исполнению наказания в виде лишения свободы. Таким образом, Европейский Суд считает, что порог суровости, требуемый для применения статьи 3 Конвенции, был в настоящем деле преодолен. Заявитель был помещен в дрянную ситуацию нарушения его права не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

95. Следовательно, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции».

89. Европейский Суд не находит оснований для отступления от выводов, сделанных Палатой. Кроме того, он отмечает, что доклад о последнем посещении Болгарии ЕКПП и его публичное заявление 2015 года о том, что неудовлетворительные условия содержания под стражей, отмеченные в Софийской тюрьме, сохраняются (см. §§ 79 и 80 настоящего Постановления).

90. Как и Палата, Большая Палата Европейского Суда полагает, что условия содержания заявителя под стражей во взаимосвязи с ограничительным режимом, в соответствии с которым он отбывает свое пожизненное лишение свободы, и длительность его срока (с 1999 года) подвергли его суровому испытанию, превышающему страдания, присущие исполнению наказания в виде лишения свободы, и составляют бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

91. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА «С» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

92. Заявитель утверждал, что он не пользовался помощью адвоката в первые несколько дней его содержания под стражей. Он ссылался на пункт 1 статьи 6 Конвенции и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые предусматривают следующее:

«Статья 6 Конвенции

1. «Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия...».

93. Власти Болгарии оспорили этот довод.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

94. Напомнив принципы, вытекающие из прецедентной практики Европейского Суда по поводу юридической помощи, Палата решила, что настоящее дело следует отличать от дела «Даянан против Турции» (*Dayanan v. Turkey*) (Постановление Европейского Суда от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03), поскольку в отличие от законодательства Турции в период, относящийся к обстоятельствам дела, соответствующее законодательство Болгарии не ограничивало право заключенных пользоваться услугами адвокатов по их выбору с момента их задержания. Однако Палата отметила, что заявитель действительно не воспользовался этой правовой гарантией в первые три дня его содержания под стражей, но указала, что не может определить, объяснялась ли эта ситуация недобросовестностью властей или собственной пассивностью заявителя.

95. Наконец, Палата заключила, что справедливость разбирательства по делу не была нарушена по следующим причинам: (i) в деле не имелось указаний на то, что заявитель был допрошен в течение первых трех дней его содержания под стражей; (ii) все его допросы происходили после того, как он был официально обвинен 6 октября 1999 г. в присутствии адвоката; (iii) иные следственные меры с участием заявителя в течение этого начального периода содержания под стражей не принимались; (iv) заявитель признался в преступлениях через несколько дней, когда пользовался услугами адвоката по его выбору и знал, что признание может быть использовано в качестве доказательства против него в поддержку возможного осуждения; (v) его осуждение не было основано исключительно на данном признании, а на целой совокупности последовательных доказательств; (vi) заявитель воспользовался правом защищать себя с помощью адвоката, и внутригосударственные суды вынесли мотивированные постановления (см. §§ 113–116 Постановления Палаты).

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

96. Заявитель просил Большую Палату Европейского Суда заключить, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции на том основании, что он не пользовался помощью адвоката во время содержания в полиции с 3 по середину дня 6 октября 1999 г.

97. Он утверждал, что с 3 по 6 октября 1999 г. он несколько раз просил о консультации адвоката, но власти отказали ему в этом. Заявитель указывал, что он был допрошен в течение этого времени

и что его утверждения не были необоснованными. Он полагал, что было бы совершенно нелогично со стороны властей не пытаться допросить его в течение указанного времени и что отсутствие письменных данных об этих допросах подтверждало его довод о том, что следователи оказывали на него давление с целью склонить к признанию.

98. Заявитель считал, что факт того, что он хранит молчание, когда был допрошен 6 и 12 октября 1999 г., не мог считаться решающим. Он пояснил, что не имел возможности проконсультироваться с адвокатами до допроса или получить от них указания. По той же причине факт помощи адвоката по его выбору, когда он признался 21 октября 1999 г., не мог быть использован против него. Присутствие адвокатов на этих допросах не означает, что они оказывали ему эффективную помощь.

99. Наконец, заявитель настаивал на том, что право на юридическую помощь, предусмотренное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, является автономным от требования о справедливом судебном разбирательстве, содержащегося в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Вывод о нарушении или отсутствии нарушения данного автономного права в настоящем деле зависит исключительно от ответа на следующий вопрос: существовали ли причины, оправдывающие ограничение его доступа к адвокату во время содержания под стражей в полиции? Если причины для этого отсутствовали, то в связи с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции не имели последствий факты того, что его осуждение не было основано исключительно на признании заявителя и что ему оказывали эффективную помощь один или нескольких адвокатов в дальнейшем уголовном разбирательстве.

2. Власти Болгарии

100. Власти Болгарии предложили Большой Палате Европейского Суда последовать примеру Палаты и признать, что в настоящем деле требования соответствующих положений Конвенции нарушены не были.

101. Они отметили, что в соответствии с внутригосударственным законодательством заявитель имел право на юридическую помощь с момента его задержания и что сотрудники полиции имели правовую обязанность уведомить его об этом праве. Власти Болгарии подтвердили, что в отсутствие доказательств противного такая обязанность была выполнена. В любом случае утверждения заявителя указывали на то, что он понимал, что внутригосударственное законодательство предоставляло ему право на юридическую помощь.

102. Кроме того, не имелось доказательств, подтверждающих утверждения заявителя о том, что во время содержания под стражей в полиции он просил о встрече с адвокатом и что его

ходатайство было отклонено властями. Законодательство Болгарии в период, относящийся к обстоятельствам дела, не предусматривало подготовку письменных документов, фиксирующих желание задержанного проконсультироваться с адвокатом или отказ от такого права. Более того, заявитель не выдвигал на какой-либо стадии уголовного разбирательства во внутригосударственных судах жалоб относительно отсутствия адвоката в течение периода содержания под стражей в полиции.

103. Власти Болгарии также указали, что не имеется доказательств в поддержку утверждения заявителя о том, что он был допрошен в период содержания под стражей в полиции до предъявления обвинения. На слушании в Большой Палате Европейского Суда власти Болгарии добавили, что, даже если предположить, что такая беседа или допрос имели место в период содержания заявителя под стражей, они проводились неформально и не могли иметь влияния на ход уголовного разбирательства. Ни на какой стадии разбирательства власти не ссылались на показания, данные заявителем с 3 до середины дня 6 октября 1999 г. Кроме того, его поведение в течение данного периода не принималось во внимание в последующем уголовном разбирательстве. В течение этого времени заявитель был задержан, переведен в г. Бургас, доставлен в следственный изолятор г. Бургас и прошел медицинские обследования. Ни на одной стадии внутригосударственного разбирательства он не утверждал, что был допрошен в период содержания под стражей в полиции, и его объяснения по данному поводу в Европейском Суде были непоследовательными, противоречивыми и неконкретными.

104. Наконец, власти Болгарии отметили, что право на юридическую помощь, предусмотренное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, являлось одним из аспектов права на справедливое уголовное разбирательство, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции. В связи с этим они полагали, что Европейский Суд должен стремиться к установлению того, была ли общая справедливость уголовного разбирательства в настоящем деле затронута тем фактом, что заявитель не имел права на помощь адвоката в период содержания под стражей в полиции. Власти Болгарии предложили Большой Палате поддержать вывод Палаты о том, что уголовное разбирательство в деле заявителя в целом было справедливым. Ему оказывали помощь адвокаты по его выбору, был собран ряд доказательств, его дело проверялось судами трех инстанций, которые рассмотрели доводы, выдвинутые стороной защиты. Показания заявителя или иные доказательства, использованные в качестве основы для его осуждения, не были получены во время его содержания под стражей в полиции без адвоката.

3. Объяснения третьих сторон

105. В своих объяснениях Большой Палате Европейского Суда «Ассоциация по предотвращению пыток» подчеркнула, что предоставление юридической помощи с момента задержания подозреваемого является одной из фундаментальных гарантий справедливости уголовного разбирательства. В своей прецедентной практике Европейский Суд устанавливал нарушения пункта 1 статьи 6 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, если признания, полученные в период содержания под стражей в отсутствие адвоката, впоследствии использовались для осуждения данного лица (со ссылкой на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*), жалоба № 36391/02, *ECHR* 2008), но также если заключенные предпочитали хранить молчание (со ссылкой на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции») или отрицали свою причастность к преступлениям, в которых они обвинялись (со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «Ешилкая против Турции» (*Yeşilkaya v. Turkey*) от 8 декабря 2009 г., жалоба № 59780/00). Органы, ответственные за защиту прав человека в рамках системы ООН, также подчеркивали важность юридической помощи с первых часов содержания под стражей.

106. Юридическая помощь на этой ранней стадии уголовного разбирательства, даже до первоначального допроса, имеет важное значение для обеспечения права задержанного подозреваемого не свидетельствовать против себя, если он не был информирован об обвинениях против него. Юридическая помощь также помогает гарантировать осуществление иных фундаментальных прав обвиняемого, таких как предусмотренные пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции. Поэтому даже если задержанный не давал показаний, простое отсутствие адвоката в течение первых нескольких часов содержания под стражей отрицательно влияет на справедливость разбирательства. Это особенно верно в делах, в которых обвинения крайне серьезны и задержанный находится в особенно уязвимом положении.

107. Со ссылкой на различные европейские, национальные и правовые материалы третья сторона подчеркнула общеизвестность того, что эффективное право доступа к адвокату требует следующего: обвиняемый должен быть заблаговременно уведомлен о его праве на дачу показаний в присутствии защитника, доступ к адвокату должен быть обеспечен, как только лицо задержано, и при любых обстоятельствах до первоначального полицейского допроса, адвокат должен иметь возможность оказывать все виды помощи, необходимые для его работы, такие как возможность конфиденциальных бесед с клиентом, обсуждать все факты

дела, присутствовать во время допроса, задавать вопросы и просить дать объяснения.

108. Третья сторона напомнила Большой Палате о подходе, примененном Палатой Европейского Суда в деле «Леонид Лазаренко против Украины» (*Leonid Lazarenko v. Ukraine*) (Постановление Европейского Суда от 28 октября 2010 г., жалоба № 22313/04, § 57), в котором право на справедливое судебное разбирательство было признано невозможным умаленным фактом использования для осуждения признания, полученного в отсутствие доступа к адвокату, даже хотя оно не являлось единственным основанием для этого.

109. Наконец, третья сторона отметила, что, даже если отказ властей разрешить подозреваемому беседовать с адвокатом в начале его содержания под стражей не умалил общую справедливость разбирательства, такая ситуация, тем не менее, могла составить нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

(а) Применимость к делу положений статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте

110. Защита, предусмотренная пунктами 1 и 3 статьи 6 Конвенции, применима к лицу, которому предъявлено «уголовное обвинение» в автономном конвенционном значении этого слова. «Уголовное обвинение» существует с момента, когда лицо официально уведомлено компетентным органом об утверждении о том, что оно совершило уголовное преступление, или с момента, когда его положение было существенно затронуто действиями, предпринятыми властями вследствие подозрения против него (см. Постановление Европейского Суда по делу «Девер против Бельгии» (*Deweert v. Belgium*) от 27 февраля 1980 г., §§ 42–46, Series A, № 35, Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., § 73, Series A, № 51, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макфарлейн против Ирландии» (*McFarlane v. Ireland*) от 10 сентября 2010 г., жалоба № 31333/06, § 143, и недавнее Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. United Kingdom*), жалоба № 50541/08 и три других¹, § 249, *ECHR* 2016).

111. Так, например, лицо, задержанное по подозрению в совершении уголовного преступления (см. среди прочих примеров Постановление

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (Heaney and McGuinness v. Ireland), жалоба № 34720/97, § 42, ECHR 2000-XII, и Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции» (Brusco v. France) от 14 октября 2010 г., жалоба № 1466/07, §§ 47–50), подозреваемый, допрошенный о его причастности к действиям, составляющим уголовное преступление (см. Постановление Европейского Суда по делу «Александр Зайченко против Российской Федерации» (Aleksandr Zaichenko v. Russia) от 18 февраля 2010 г., жалоба № 39660/02¹, §§ 41–43, Постановление Европейского Суда по делу «Янков и другие против Болгарии» (Yankov and Others v. Bulgaria) от 23 сентября 2010 г., жалоба № 4570/05, § 23, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 296), и лицо, которое официально обвинено в соответствии с порядком, предусмотренным во внутригосударственном законодательстве, в уголовном преступлении (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пелисье и Сасси против Франции» (Pélissier and Sassi v. France), жалоба № 25444/94, § 66, ECHR 1999-II, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Бодсгор против Дании» (Pedersen and Baadsgaard v. Denmark), жалоба № 49017/99, § 44, ECHR 2004-XI), могут рассматриваться как «обвиняемые в совершении уголовного преступления» и требовать защиты, предусмотренной статьей 6 Конвенции. Первое из вышеупомянутых событий независимо от их хронологической последовательности обуславливает применение статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте.

(b) Право на юридическую помощь и общая справедливость уголовного разбирательства

112. Европейский Суд напоминает, что право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту адвоката, при необходимости назначенного официально, гарантированное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, является одним из фундаментальных признаков справедливого судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 51, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» (Dvorski v. Croatia), жалоба № 25703/11², § 76, ECHR 2015). Безотлагательный доступ к адвокату составляет важный противовес уязвимости подозреваемых

при содержании под стражей, обеспечивает фундаментальную гарантию против принуждения и жестокого обращения с подозреваемыми со стороны сотрудников полиции и способствует предотвращению судебных ошибок и исполнению целей статьи 6 Конвенции, особенно равенству сторон между следственными или преследующими органами и обвиняемым (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 53–54, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 255).

113. Таким образом, подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции не обеспечивает автономное право, но должен толковаться в свете более широкого требования справедливости уголовного разбирательства, рассматриваемого в целом, как то гарантирует пункт 1 статьи 6 Конвенции. В частности, соблюдение требований справедливого судебного разбирательства должно рассматриваться в каждом случае с учетом развития разбирательства в целом, а не на основе изолированного рассмотрения одного конкретного аспекта отдельного происшествия, хотя нельзя исключать, что конкретный фактор может иметь столь решающее значение, чтобы позволить оценить справедливость судебного процесса на более ранней стадии разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 250 и 251). Подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции предоставляет государствам-участникам выбор средств его обеспечения в судебных системах, тогда как задача Европейского Суда сводится к удостоверению в том, что выбранный ими метод совместим с требованиями справедливого судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 51).

114. Как и иные гарантии статьи 6 Конвенции, право на юридическую помощь применимо с момента, когда «уголовное обвинение» возникает в значении прецедентной практики Европейского Суда (см. §§ 110 и 111 настоящего Постановления) и поэтому может использоваться в ходе досудебного разбирательства, если и насколько справедливость судебного процесса может быть серьезно умалена его первоначальным несоблюдением (см. Постановление Европейского Суда по делу «Имбриосца против Швейцарии» (Imbrioscia v. Switzerland) от 24 ноября 1993 г., § 36, Series A, № 275, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 76, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 253).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 9 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2016. № 3 (примеч. редактора).

(с) Отказ от права на юридическую помощь

115. Европейский Суд напоминает, что ни буква, ни дух статьи 6 Конвенции не препятствуют лицу в свободном отказе, прямом или подразумеваемом, от использования гарантий справедливого судебного разбирательства. Это применимо также к праву на оказание юридической помощи (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», §§ 100 и 101, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский против Российской Федерации» (*Sakhnovskiy v. Russia*), жалоба № 21272/03¹, § 90). Однако для того, чтобы такой отказ имел силу с точки зрения Конвенции, он должен быть недвусмысленно установлен и должен сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми с его значением. Подобный отказ необязательно должен быть прямым, но он должен быть добровольным и составлять осознанный и разумный отказ от права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пищальников против Российской Федерации» (*Pishchalnikov v. Russia*) от 24 сентября 2009 г., жалоба № 7025/04², § 77, и § 119 настоящего Постановления). Кроме того, утверждение о том, что отказ обвиняемого от важного права, предусмотренного статьей 6 Конвенции, подразумевает в связи с его поведением, допустимо при условии, что доказано, что обвиняемый мог разумно предвидеть последствия своего поведения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Пищальников против Российской Федерации», § 77, *in fine*). Кроме того, отказ не должен противоречить какому-либо важному публичному интересу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хоконсон и Стурессон против Швеции» (*Håkansson and Sturesson v. Sweden*) от 21 февраля 1990 г., § 66, Series A, № 171-A, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдович против Италии» (*Sejdovic v. Italy*), жалоба № 56581/00, § 86, *ECHR* 2006-II).

(d) Временное ограничение доступа к адвокату в силу «непреодолимых причин»

116. Европейский Суд также напоминает, что доступ к адвокату в период расследования может быть временно ограничен в силу «непреодолимых причин» для этого. В § 55 Постановления Большой Палаты по делу «Салдуз против Турции» (упомянувшегося выше) Европейский Суд указал следующее относительно ограничения доступа к адвокату по «непреодолимым причинам» в период содержания под стражей:

«...Европейский Суд считает, что для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно “практическим и эффективным”... пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, доступ к услугам адвоката обеспечивался с первого допроса подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела не имеется веских причин для ограничения этого права. Даже если непреодолимые причины в виде исключения оправдывают отказ в доступе к адвокату, такое ограничение, чем бы оно ни оправдывалось, не должно ненадлежащим образом умалять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции... Праву на защиту в принципе был бы причинен невосполнимый ущерб, если бы компрометирующие показания, полученные в период полицейского допроса в отсутствие адвоката, были использованы для осуждения».

117. В своем недавнем Постановлении по делу Ибрагима и других (упомянувшегося выше) Европейский Суд изложил и конкретизировал критерии, изложенные в Постановлении по делу Салдуза. Он, в частности, указал, что ограничения доступа к юридической консультации разрешены только при исключительных обстоятельствах, должны иметь временный характер и быть основаны на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела. Если власти государства-ответчика убедительно продемонстрировали существование срочной необходимости избежать серьезных отрицательных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности по данному делу, это может составлять непреодолимые причины для ограничения доступа к юридической консультации для целей статьи 6 Конвенции. При таких обстоятельствах существует неотложная необходимость защиты властями прав потенциальных или фактических жертв в соответствии со статьями 2 и 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции, в частности. При оценке доказанности непреодолимых причин важно удостовериться в том, имело ли решение об ограничении юридической консультации основу во внутригосударственном законодательстве, и были ли объем и содержание любых ограничений юридической консультации достаточно определены законом, чтобы дать лицам, ответственным за его применение, конкретные указания для принятия текущих решений (*ibid.*, §§ 258 и 259).

118. Европейский Суд далее подчеркнул, что отсутствие «непреодолимых причин» для ограничения доступа к адвокату не влечет само по себе вывод о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (*ibid.*, § 262). В отсутствие «непреодолимых причин» Европейский Суд должен применить весьма строгий анализ оценки справедливости: уклонение властей государства-ответчика от указания каких-либо непреодолимых причин имеет большое значение при оценке общей справедливости судебного процесса и может нарушить равновесие в пользу установления нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2009. № 1 (примеч. редактора).

статьи 6 Конвенции. На власти государства-ответчика возлагается бремя представить убедительные доказательства того, почему в виде исключения и при конкретных обстоятельствах дела общая справедливость судебного процесса не была невосполнимо умалена ограничением доступа к юридической консультации (*ibid.*, § 265). Если, напротив, непреодолимые причины для ограничения доступа к адвокату установлены, должна быть осуществлена всеобъемлющая оценка совокупности разбирательства для определения того, было ли оно «справедливым» для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции (*ibid.*, § 264).

(e) Право на информацию о праве на юридическую помощь

119. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*ibid.*, §§ 272–273) Европейский Суд также указал, что привилегии не свидетельствовать против себя, праву хранить молчание и праву на юридическую помощь сопутствует то, что «обвиняемые в совершении уголовного преступления» для целей статьи 6 Конвенции имеют право на информацию об этих правах. Следовательно, подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции должен толковаться также как гарантирующий право обвиняемых в преступлении быть немедленно информированными об их праве на юридическую помощь, независимо от их возраста или конкретной ситуации и от того, представлены ли они официально назначенным адвокатом или адвокатом по их собственному выбору. Кроме того, соблюдение этого права может влиять на действительность отказа от права на юридическую помощь (см. § 115 настоящего Постановления).

(f) Соответствующие факторы для оценки общей справедливости разбирательства

120. Поскольку справедливость уголовного разбирательства оценивается в каждом деле с учетом проведения разбирательства в целом, Европейский Суд привел в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 274, неисчерпывающий перечень факторов, которые при необходимости должны приниматься во внимание для оценки воздействия процессуальных недостатков на предварительной стадии на общую справедливость уголовного разбирательства. Этими факторами являются следующие:

(а) находился ли заявитель в особенно уязвимом положении, например, в силу возраста или умственных способностей;

(б) правовые нормы, регулирующие предварительное производство по делу и использование доказательств на суде, и вопрос об их соблюдении;

если имеет место исключение из правил, особенно маловероятно, что производство по делу в целом будет считаться несправедливым;

(с) имел ли заявитель возможность оспорить достоверность доказательств и их использование;

(d) качество доказательств и то, бросают ли обстоятельства, при которых они были получены, тень сомнений на их достоверность или точность, принимая во внимание степень и характер любого принуждения;

(е) качество доказательств, и заставляют ли обстоятельства их получения сомневаться в их достоверности или точности с учетом степени и характера имевшего место принуждения;

(f) в случае, если речь идет о показаниях, характер этих показаний, и были ли они сразу же отозваны или изменены;

(g) порядок использования полученных доказательств, и, в частности, являлись ли они составной или важной частью доказательственной базы, положенной в основу обвинительного приговора, а также убедительность других собранных по делу доказательств;

(h) осуществлялось ли определение виновности профессиональными судьями или присяжными, не являющимися юристами, а в последнем из этих случаев – содержание данных присяжным указаний;

(i) значимость интереса общества в проведении расследования и привлечении к ответственности за конкретное преступление, о котором идет речь в деле;

(j) другие имеющие отношение к делу процессуальные гарантии, предусмотренные внутригосударственным законодательством и правоприменительной практикой.

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(a) Исходный пункт для применения статьи 6 Конвенции в настоящем деле

121. Обращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что заявитель разыскивался следственными органами и полицией с начала июля 1999 года, когда было принято решение о его задержании на том основании, что он подозревался в совершении разбойного нападения и двух убийств и скрывался в течение почти трех месяцев (см. § 13 настоящего Постановления). Однако Европейский Суд полагает, что дата задержания заявителя полицией, 3 октября 1999 г., должна быть принята за исходный пункт применения гарантий, изложенных в статье 6 Конвенции. Задержание было основано на подозрениях о совершении заявителем уголовных преступлений и существенно затронуло ситуацию заявителя, позволив властям осуществлять следственные меры с его

участием. Таким образом, с 3 октября 1999 г. право на юридическую помощь, предусмотренное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, стало применимым в настоящем деле.

(b) Отказался ли заявитель от права на юридическую помощь

122. Европейский Суд учитывает, что неоказание юридической помощи заявителю в период содержания под стражей в полиции составляло ограничение, которое не следовало из внутригосударственного законодательства, поскольку законодательство Болгарии разрешало ему доступ к адвокату с момента его задержания, 3 октября 1999 г. (см. § 59 настоящего Постановления). Таким образом, если заявитель просил разрешения проконсультироваться со своим адвокатом с 3 по 6 октября 1999 г. (до полудня), власти имели правовое обязательство удовлетворить это ходатайство.

123. Стороны не пришли к согласию в отношении того, просил ли заявитель о контакте с адвокатом (см. §§ 97 и 102 настоящего Постановления). Ничто в материалах дела не подтверждает утверждение заявителя о том, что он подавал такое ходатайство. В период, относящийся к обстоятельствам дела, законодательство Болгарии еще не требовало подачи ходатайства задержанного о консультации с адвокатом или его отказа от этого права в письменной форме (см. §§ 60–62 настоящего Постановления).

124. Европейский Суд напоминает, что для оценки этого доказательства он применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», но добавляет, что такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных неопровергнутых фактических презумпций (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 161, *in fine*, Series A, № 25). Европейский Суд сожалеет о том, что первые три дня содержания заявителя под стражей не были надлежащим образом задокументированы, чтобы избежать любых сомнений относительно того, просил ли заявитель предоставить ему доступ к адвокату или нет (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Дворский против Хорватии», § 105, *in fine*). Следовательно, по истечении нескольких лет после рассматриваемых событий и в отсутствие доказательств *prima facie* Европейский Суд не может удостовериться в том, действительно ли заявитель просил о консультации с адвокатом.

125. Тем не менее Европейский Суд должен попытаться установить, может ли при конкретных обстоятельствах дела отсутствие объективных доказательств того, что заявитель просил оказать

ему юридическую помощь в период содержания под стражей в полиции, указывать на косвенный отказ от данного права.

126. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что в правовой системе, существовавшей в Болгарии в период, относящийся к обстоятельствам дела, в которой помощь адвоката при содержании под стражей требует наличия непосредственной просьбы подозреваемого, существенно, чтобы последний был незамедлительно информирован об этом праве, что позволило бы ему использовать его (см. § 119 настоящего Постановления). Это особенно важно, если, как в настоящем деле, обвиняемый подозревается в совершении тяжких преступлений и ему грозит суровое наказание. Именно в случаях тягчайших наказаний соблюдение права на справедливое судебное разбирательство должно быть обеспечено демократическим обществом в высочайше возможной степени (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Салдуз против Турции», § 54). Это порождает вопрос о том, был ли заявитель надлежащим образом информирован о праве на юридическую помощь с момента его задержания, как это по сути предусматривало внутригосударственное законодательство (см. § 59 настоящего Постановления).

127. В своих объяснениях и на слушании дела власти Болгарии со ссылкой на соответствующие положения внутригосударственного законодательства, требующего от властей информировать обвиняемых в совершении уголовного преступления об их праве (см. § 101 настоящего Постановления), утверждали, что заявителю сообщили эту информацию сразу после его задержания. Однако материалы дела не содержат письменных данных о такой мере, и власти Болгарии не подкрепили свое утверждение иными доказательствами. Европейский Суд может только отметить, что постановление о заключении заявителя под стражу, в котором упоминалось его право на юридическую помощь, не было им подписано, и не имеется данных, свидетельствующих о том, что ему была предоставлена копия постановления после его задержания (см. §§ 13 и 14 настоящего Постановления). Таким образом, следует предположить, что постановление ему не вручалось. В результате заявитель не был доказуемо уведомлен о его процессуальных правах до даты предъявления ему обвинения, то есть до 6 октября 1999 г. (см. § 21 настоящего Постановления).

128. Европейский Суд напоминает, что получение такой информации обвиняемым является одной из гарантий, предоставляющих ему возможность осуществлять свое право на защиту и позволяющих властям обеспечивать, в частности, чтобы любой отказ обвиняемого от права на юридическую помощь являлся добровольным, сознательным и разумным. Поэтому такая

информация гарантирует эффективную возможность осуществления этого права и, кроме того, действительность любого отказа с точки зрения Конвенции (см. §§ 115 и 119 настоящего Постановления). Соответственно, даже если предположить, что заявитель прямо не требовал помощи адвоката в период содержания под стражей в полиции, как предусматривало законодательство Болгарии в период, относившийся к обстоятельствам дела, он не мог считаться косвенно отказавшимся от своего права на юридическую помощь, поскольку ему незамедлительно не сообщили такую информацию после его задержания. Таким образом, его право на юридическую помощь было ограничено.

(с) Существовали ли «непреодолимые причины» для ограничения доступа к адвокату

129. Европейский Суд напоминает, что ограничения доступа к адвокату по «непреодолимым причинам» допускаются только при исключительных обстоятельствах, и они должны иметь временный характер и быть основаны на индивидуальной оценке конкретных обстоятельства дела (см. § 117 настоящего Постановления).

130. Однако власти Болгарии не упоминали каких-либо исключительных обстоятельств, а в задачу Европейского Суда не входит оценка по своей инициативе того, существовали ли они в настоящем деле. В связи с этим он не усматривает «непреодолимой причины», которая могла оправдать ограничение доступа заявителя к адвокату в период содержания под стражей в полиции: отсутствовали утверждения о непосредственной угрозе жизни, физической неприкосновенности или безопасности других лиц (см. противоположную ситуацию в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 276). Кроме того, законодательство Болгарии относительно доступа к адвокату в течение периода содержания под стражей прямо не устанавливало исключений из применения этого права (см. §§ 59 и 64 настоящего Постановления). Может показаться, что события в настоящем деле соответствуют практике властей, которая серьезно критиковалась ЕКПП (см. публичное заявление ЕКПП 2015 года в § 80 настоящего Постановления).

131. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что подобную практику властей Болгарии было бы трудно согласовать с верховенством права, прямо упомянутым в преамбуле к Конвенции, и присущим всем ее статьям (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стаффорд против Соединенного Королевства» (Stafford v. United Kingdom), жалоба № 46295/99, § 63, ECHR 2002-IV).

(d) Была ли обеспечена общая справедливость разбирательства

132. Европейский Суд должен стремиться удостовериться в том, привело ли отсутствие адвоката в период содержания заявителя под стражей в результате к невозможному умалению общей справедливости уголовного разбирательства против него. Отсутствие «непреодолимых причин» в настоящем деле требует от Европейского Суда проведения весьма строгого анализа справедливости разбирательства. Власти Болгарии должны убедительно продемонстрировать, что в ситуации заявителя, тем не менее, имело место справедливое судебное разбирательство (см. § 118 настоящего Постановления).

133. В этой связи власти Болгарии сослались на следующие обстоятельства: заявитель не был формально допрошен в отсутствие адвоката в течение периода содержания под стражей в полиции; какие-либо показания, которые заявитель мог дать в течение этого срока, впоследствии не были приняты во внимание или использованы в качестве доказательств против него, его поведение в период содержания под стражей не было принято во внимание органами преследования или соответствующими судами, ни на какой стадии разбирательства он не жаловался властям на принуждение к признанию в период содержания под стражей в полиции, он использовал целый ряд процессуальных гарантий в течение уголовного разбирательства, которые имели все признаки справедливого судебного разбирательства (см. § 103 настоящего Постановления).

134. Европейский Суд учитывает, что стороны не пришли к согласию относительно того, был ли заявитель допрошен в отсутствие адвоката в период с 3 по 6 октября 1999 г. Ссылаясь на отсутствие официальных документов по этому поводу, власти Болгарии указали, что, даже если предположить, что беседа или допрос имели место, когда заявитель содержался под стражей в полиции, они проводились неформально и не могли иметь влияния на ход уголовного разбирательства (см. § 103 настоящего Постановления). Заявитель со своей стороны указал в Большой Палате Европейского Суда, что он был допрошен и что для властей было бы нелогично упустить такую возможность для получения дополнительных доказательств (см. § 97 настоящего Постановления).

135. Европейский Суд отмечает в этой связи, что версия событий, изложенная заявителем в ходе настоящего разбирательства, изменялась. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель весьма неясно высказывался по данному вопросу. Только когда он представил меморандум в Большую Палату Европейского Суда, он изложил ряд более конкретных деталей, подтвердив, например, что он давал показания в период содержания под стра-

жей в полиции, сообщив содержание показаний и имя адвоката, с которым он просил его связать. Европейский Суд также отмечает, что заявитель не упоминал о неоказании юридической помощи в период содержания под стражей во время разбирательства в Бургасском апелляционном суде (см. § 34 настоящего Постановления), а в кассационной жалобе сослался мимоходом на отсутствие адвоката 4 октября 1999 г. в контексте отдельного довода об исключении доказательств, полученных в присутствии его официально назначенного адвоката (см. § 42 настоящего Постановления). Кроме того, в то время как рукописные показания его предполагаемого сообщника A.S., датированные 3 октября 1999 г., были приобщены к материалам дела (см. § 20 настоящего Постановления), отсутствуют данные *prima facie*, которые позволили бы Европейскому Суду заключить, что заявитель был официально или неофициально допрошен в период содержания под стражей в полиции.

136. В любом случае Европейский Суд придает решающее значение тому факту, что в течение этого примерно трехдневного периода никакие доказательства, которые могли быть использованы против заявителя, не были получены и приобщены к материалам дела. Никакие показания не были получены от заявителя. Ничто в материалах дела не указывает на то, что заявитель участвовал в других следственных действиях в данный период, такие как опознание или получение биологических образцов. Кроме того, сам заявитель не утверждал в Европейском Суде, что внутригосударственные суды получили доказательства, представленные в течение этого периода, и использовали их в судебном разбирательстве в качестве основы для его осуждения.

137. Следует подчеркнуть, что законодательство Болгарии и прецедентная практика внутригосударственных судов предусматривают исключение доказательств, полученных способом, несовместимым с нормами Уголовно-процессуального кодекса (см. § 68 настоящего Постановления). В деле заявителя, поскольку ему угрожало пожизненное лишение свободы, юридическая помощь в течение допроса являлась также обязательным условием допустимости его показаний в суде (см. § 65 настоящего Постановления).

138. Кроме того, в отличие от дел «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) (Постановление Европейского Суда от 8 февраля 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-I) и «Аверилл против Соединенного Королевства» (Averill v. United Kingdom (жалоба № 36408/97, *ECHR* 2000-VI) отказ обвиняемого от дачи показаний не имел значения для последующих стадий уголовного разбирательства. Заявитель мог даже отказаться от показаний, если бы не предпочел признаться на последующей стадии разбирательства, когда ему уже оказывал помощь адвокат по его выбору.

139. 21 октября 1999 г., через две недели после официального предъявления обвинения, заявитель сделал добровольное признание (см. §§ 21 и 24 настоящего Постановления). При оценке добровольности этого признания Европейский Суд учитывает тот факт, что заявитель был уже дважды допрошен, 6 и 12 октября 1999 г., при наличии помощи адвоката, и что он хранил молчание оба этих раза (см. §§ 21 и 23 настоящего Постановления). В течение обоих допросов и когда он признался 21 октября 1999 г., он уже был уведомлен о его процессуальных правах, особенно о праве не свидетельствовать против себя (см. § 21 настоящего Постановления). Кроме того, в это время его консультировал и оказывал помощь адвокат по его выбору (см. §§ 23 и 24 настоящего Постановления).

140. Не оспаривается, что только признание, сделанное заявителем 21 октября 1999 г., использовалось в качестве основания для его осуждения. Во внутригосударственных судах или в Европейском Суде не утверждалось о наличии причинно-следственной связи между отсутствием адвоката с 3 по 6 октября 1999 г. и признанием заявителя по истечении двух недель после этого периода, сделанным в присутствии адвоката по его выбору (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (Gäfgen v. Germany), жалоба № 22978/05, § 180, *ECHR* 2010). Следовательно, отсутствие адвоката в течение периода содержания заявителя под стражей в полиции никоим образом не умаляло его право не свидетельствовать против себя.

141. Европейский Суд также учитывает, что заявитель принимал активное участие во всех стадиях уголовного разбирательства: он впоследствии отказался от своих первоначальных показаний, представив иную версию событий, а его защитники получили оправдательные доказательства и оспорили обвинительные доказательства (см. §§ 27, 29, 31, 35 и 42 настоящего Постановления).

142. Кроме того, осуждение заявителя не было основано исключительно на его признании 21 октября 1999 г., которое было сделано в присутствии адвоката по его выбору, но на целой совокупности последовательных доказательств, включая показания большого количества свидетелей, которые были допрошены в ходе процесса, результаты баллистической, технической и бухгалтерской экспертиз, медицинские и психиатрические заключения, а также собранные вещественные и документальные доказательства (см. §§ 26, 33, 36–41 и 43 настоящего Постановления).

143. Дело рассматривалось в судах трех инстанций: окружным судом, апелляционным судом и Верховным кассационным судом. Все эти суды надлежащим образом изучили доступные доказательства, включая показания многих свидетелей,

допрошенных в ходе рассмотрения дела, результаты баллистической, технической и бухгалтерской экспертиз, медицинское и психиатрическое заключения, а также собранные вещественные и документальные доказательства. Их решения, которые были надлежащим образом мотивированы с точки зрения факта и права, также должным образом оценили, были ли соблюдены процессуальные права заявителя (см. §§ 31–44 настоящего Постановления).

144. С учетом вышеизложенных выводов Европейский Суд считает, что власти Болгарии представили соответствующие и достаточные доказательства для подтверждения того, что общая справедливость уголовного разбирательства против заявителя не была невосполнимо умалена отсутствием юридической помощи во время содержания под стражей в полиции с 3 по 6 октября 1999 г.

(е) Заключение

145. Соответственно, по делу требования пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушены не были.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

146. Заявитель предложил Европейскому Суду указать властям Болгарии, как было сделано в Постановлении Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (упоминавшемся выше, § 280), меры исполнения, связанные с выводом о нарушении статьи 3 Конвенции относительно материальных условий содержания под стражей и режима, применяемых к лицам, лишенным свободы пожизненно.

147. Власти Болгарии не высказали какого-либо мнения по данному вопросу.

148. В соответствующих частях статья 46 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением...».

149. В соответствии со статьей 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Европейского Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами, под надзором Комитета министров Совета Европы. Отсюда, в частности, следует, что постановление, которым Европейский Суд устанавливает нарушение Конвенции или Протоколов к ней, возлагает на государство-ответчика правовое обязательство выплатить заинтересованным лицам суммы, присужденные в порядке справедливой компенсации в соответствии со ста-

теей 41 Конвенции, а также избрать под надзором Комитета министров Совета Европы меры общего и/или, при необходимости, индивидуального характера, которые оно считает целесообразными для включения во внутригосударственное законодательство в целях устранения нарушения, установленного Европейским Судом, и возмещения, насколько это возможно, его последствий. Прежде всего заинтересованное государство должно избрать под надзором Комитета министров Совета Европы средства, которые должны быть использованы в соответствии с внутригосударственным законодательством для соблюдения этого обязательства. Однако с целью оказания помощи государству-ответчику в этой задаче Европейский Суд может указать вид мер индивидуального и/или общего характера, которые могут быть приняты для прекращения ситуации, которую он признал существующей (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (Stanev v. Bulgaria), жалоба № 36760/06, §§ 254–255, ECHR 2012).

150. Европейский Суд напоминает, что он изложил следующие рекомендации в своем Постановлении Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (упоминавшееся выше, § 280):

«Нарушение статьи 3 Конвенции, установленное в настоящем деле в отношении режима и условий содержания заявителей под стражей, следует в основном из соответствующих положений Закона об исполнении наказания и предварительном заключении 2009 года и правил, принятых во исполнение его... Оно раскрывает системную проблему, которая уже породила сходные жалобы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Червенков против Болгарии» (Chervenkov v. Bulgaria) (от 27 ноября 2012 г., жалоба № 45358/04, §§ 50 и 69–70) и Постановление Европейского Суда по делу «Сабев против Болгарии» (Sabev v. Bulgaria) (от 28 мая 2013 г., жалоба № 27887/06, §§ 72 и 98–99) и может породить новые. Природа нарушения позволяет исполнить данное Постановление надлежащим образом, и государству-ответчику требуется реформировать, предпочтительно средствами законодательства, правовую базу, регулиющую тюремный режим, применяющийся к лицам, приговоренным к пожизненному лишению свободы с правом досрочного освобождения или без такового. Эта реформа, неизменно рекомендуемая ЕКПЧ с 1999 года... должна включать (а) устранение автоматического применения тюремного режима повышенных ограничений, в настоящее время применяемого ко всем заключенным пожизненно на первоначальный период не менее пяти лет, и (б) введение норм, предусматривающих, что режим особой безопасности может быть применен только – и поддерживаться – на основе индивидуальной оценки риска каждого осужденного к пожизненному лишению свободы, и должен применяться не дольше, чем это строго необходимо».

151. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле он установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей заявителя во взаимосвязи с его ограничительным тюремным режимом и длительностью периода его лишения свободы (см. §§ 90 и 91 настоящего Постановления). Эти обстоятельства, как и соответствующее внутригосударственное законодательство, идентичны тем, которые вынудили Европейский Суд установить нарушение статьи 3 Конвенции в связи с материальными условиями содержания под стражей и тюремным режимом в Постановлении Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», упомянуемому выше. Исходя из изложенного он считает целесообразным напомнить рекомендации, данные в § 280 указанного Постановления относительно: (а) устранения автоматического применения особого тюремного режима и (b) введения норм, предусматривающих, что данный режим может применяться только на основе индивидуальной оценки риска.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

152. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

153. Заявитель требовал выплаты 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, который был ему причинен его тюремным режимом и условиями его содержания под стражей.

154. Власти Болгарии не представили каких-либо объяснений в Большой Палате Европейского Суда по этому вопросу.

155. В своем Постановлении от 20 октября 2015 г. Палата Европейского Суда присудила заявителю 8 000 евро по данному основанию.

156. Европейский Суд считает, что заявителю был причинен моральный вред в связи с неудовлетворительными условиями, в которых он содержался в изоляторах, и ограничительным режимом, который был к нему применен. Как и Палата Европейского Суда, Большая Палата полагает, что заявителю следует присудить 8 000 евро по этому основанию.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

157. Заявитель требовал выплаты 2 160 евро в отношении гонораров адвоката, 767 левов

в качестве компенсации иных судебных издержек и расходов, понесенных в ходе разбирательства дела в Палате Европейского Суда, а также 6 420 евро в отношении гонораров адвоката, 927 евро 27 центов в качестве компенсации транспортных расходов и 1 929 левов относительно иных судебных издержек и расходов, понесенных при разбирательства дела в Большой Палате Европейского Суда.

158. Власти Болгарии не представили каких-либо объяснений по данному вопросу.

159. В своем Постановлении Палата Европейского Суда присудила заявителю 2 589 евро 50 центов в качестве компенсации судебных издержек и расходов.

160. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле с учетом имеющихся в его распоряжении документов и своей прецедентной практики Европейский Суд считает сумму в размере 8 000 евро разумной в отношении всех расходов, понесенных в течение разбирательства в Палате Европейского Суда и Большой Палате Европейского Суда, за вычетом 2 952 евро 52 центов, полученных от Совета Европы в порядке освобождения от оплаты юридической помощи, и присуждает эту сумму заявителю.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

161. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Суда:

1) постановила единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

2) постановила 12 голосами «за» при пяти – «против», что требования пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушены не были;

3) постановила 14 голосами «за» при трех – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в левы по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 8 000 (восемь тысяч) евро, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму, в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 8 000 (восемь тысяч) евро за вычетом 2 952 евро 52 центов, полученных от Совета Европы в качестве компенсации судебных расходов и издержек в конвенционных органах, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) отклонила оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 12 мая 2017 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Андраш ШАЙО
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) частично несовпадающее особое мнение судей Андраша Шайо, Мирьяны Лазаровой Трайковской и Небойши Вучинича, к которым присоединилась судья Ксения Туркович;

(b) частично несовпадающее особое мнение судьи Георгия А. Сергидеса.

**ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ
МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, МИРЬЯНЫ
ЛАЗАРОВОЙ ТРАЙКОВСКОЙ И НЕБОЙШИ
ВУЧИНИЧА, К КОТОРЫМ ПРИСОЕДИНИЛАСЬ
СУДЬЯ КСЕНИЯ ТУРКОВИЧ**

К нашему сожалению, в отличие от большинства судей, мы не можем заключить, что в настоящем деле власти Болгарии исполнили обязанность доказывания, возложенную на них в силу стандартов, установленных в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. United Kingdom*), жалобы № 50541/08 и три других¹, *ECtHR* 2016. Хотя мы присоединились к большинству судей относительно установления нарушения в отношении статьи 3 Конвенции, мы почтительно не соглашаемся с выводом, касающимся пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и усматриваем нарушение.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (примеч. редактора).

Мы обеспокоены скрытым смыслом настоящего Постановления. Ныне Европейский Суд не только закрывает глаза на практику, нацеленную на самые ключевые права обвиняемого в уголовном процессе, но и предоставляет полицейским и прокурорам широкие возможности для недокументированного неурегулированного злоупотребления. Согласно мотивировке большинства судей подозреваемые могут быть заключены под стражу, содержаться в изоляции и потенциально подвергаться запугиванию, если письменная фиксация этих событий выпадает из поля зрения. Настоящее Постановление также неосознанно проецирует вывод дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» за пределы указанного Постановления. В том деле ограничения прав защиты на основании пункта 3 статьи 6 Конвенции могли быть оправданы в *исключительных случаях*, если для этого существовали «непреодолимые причины». Здесь, напротив, отсутствуют исключительные факты или особые обстоятельства, причины, приведенные властями Болгарии в оправдание ограничений прав заявителя, но существует множество необъяснимых упущений в объяснениях властей Болгарии.

**ПРИМЕНИМЫЙ СТАНДАРТ ОБЩЕЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Применимый стандарт, определенный в недавнем Постановлении по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», вполне ясен: если отсутствуют непреодолимые основания для ограничения доступа к юридической консультации, Европейский Суд должен применить весьма строгий подход к оценке справедливости. Уклонение властей государства-ответчика от указания непреодолимых причин имеет большое значение при установлении равновесия при оценке общей справедливости судебного процесса и может сместить чашу весов в пользу вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Следовательно, на власти Болгарии возлагается бремя представления убедительных доказательств того, что в виде исключения и при конкретных обстоятельствах дела общая справедливость судебного процесса не была непоправимо умалена ограничением доступа к юридической помощи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 265).

Главная цель статьи 6 Конвенции заключается в обеспечении процессуальных прав, которые гарантируют справедливое судебное разбирательство любому и каждому обвиняемому. Чтобы статья 6 Конвенции оставалась «практической» и «эффективной» (см. среди многих дру-

гих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey) от 27 ноября 2008 г., жалоба № 36391/02, § 51, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» (Dvorski v. Croatia) от 20 октября 2015 г., жалоба № 25703/11¹, § 82), минимальные процессуальные права, гарантированные каждому лицу, не могли быть ограничены в отсутствие непреодолимых и убедительных причин².

Ключевой вопрос в настоящем деле заключается в том, доказали ли власти Болгарии в соответствии со стандартами весьма строгого контроля, что общая справедливость разбирательства не была невосполнимо умалена в связи с уклонением властей государства-ответчика от (i) надлежащего уведомления заявителя о его праве на защиту и предъявленных ему обвинениях при задержании, (ii) адекватного документирования периода содержания заявителя под стражей в полиции с 3 по 6 октября 1999 г., (iii) предоставления заявителю доступа к юридической помощи во время его содержания под стражей в полиции, (iv) предоставления заявителю возможности назначить адвоката по его выбору и (v) защиты права заявителя не свидетельствовать против себя для обеспечения того, чтобы его признание было совершенно добровольным и информированным и делалось с использованием выгод адекватного доступа к юридической консультации и услугам. Кроме того, с учетом уклонения внутригосударственных судов от оценки того, причинили ли эти многочисленные процессуальные нарушения невосполнимый ущерб делу, мы не можем согласиться с заключением большинства судей о том, что власти Болгарии доказали, что общая справедливость разбирательства не была невосполнимо умалена.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

² Мы не занимаем позицию по вопросу о том, в какой степени права в соответствии с пунктом 3 статьи 6 Конвенции являются конкретными или обособленными правами. Однако в ряде дел отсутствие доступа к адвокату в начальный период содержания под стражей в полиции независимо от того, давал ли субъект показания против себя, было достаточно для установления нарушения подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джон Муррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., § 45, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-I, Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Шериф Ёнер против Турции» (Mehmet Şerif Öner v. Turkey) от 13 сентября 2011 г., жалоба № 50356/08, § 21, Постановление Европейского Суда по делу «Лопата против Российской Федерации» (Lopata v. Russia) от 13 июля 2010 г., жалоба № 72250/01, §§ 137, 140–144 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2 (примеч. редактора)), и Постановление Европейского Суда по делу «Аверилл против Соединенного Королевства» (Averill v. United Kingdom), жалоба № 36408/97, § 60, *ECHR* 2000-VI).

ФАКТЫ, СОПРОВОЖДАВШИЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ

Заявитель был задержан и заключен под стражу 6 октября 1999 г. Власти Болгарии также отметили, что заявитель имел право на юридическую помощь во время его задержания и что сотрудники полиции были обязаны разъяснить ему это право (см. § 101 настоящего Постановления). Однако единственное постановление о задержании от 9 июля 1999 г., в котором упоминалось о его праве на юридическую помощь, не было подписано заявителем, таким образом, следует предположить, что это постановление не было вручено заявителю надлежащим образом (см. §§ 60, 128 настоящего Постановления). Кроме того, заявителю не был предоставлен адвокат во время его задержания или содержания под стражей.

Впоследствии заявитель содержался под стражей три дня. В это время он предположительно находился в одиночной камере, его родители были информированы о его задержании через три дня после его заключения под стражу (см. объяснения заявителя, § 56). Показания заявителя и властей Болгарии расходятся относительно того, допрашивался ли заявитель в данный период. Заявитель утверждает, что его неоднократно допрашивали по неформальным приглашениям покурить в кабинете следователя. Власти Болгарии утверждают, что никаких «формальных допросов» не происходило, прямо не отвергнув довода о том, что «неформальные» допросы имели место (см. устные объяснения властей Болгарии, стр. 6).

6 октября 1999 г. заявителю был назначен защитник, несмотря на слова заявителя о том, что он подал четыре ходатайства о допуске адвоката по его выбору с 3 по 6 октября 1999 г., которые власти проигнорировали (см. § 18 настоящего Постановления). Заявитель был официально обвинен и допрошен днем 6 октября. Как указано в протоколе, он хранил молчание во время допроса. 7 октября обвиняемый заявителя признался в том, что был соучастником двойного убийства и разбойного нападения и что заявитель убил обоих потерпевших. 8 октября заявитель привлек частного адвоката, практикующего в г. Бургас. Этот адвокат не встречался с заявителем до второго допроса, который был проведен 12 октября, когда в присутствии адвоката по его выбору он вновь предпочел хранить молчание. 21 октября заявитель сделал признание в присутствии своего адвоката, с которым он не имел возможности проведения конфиденциальной или иной беседы. Он утверждал в это время, что его обвиняемый убил потерпевших. Впоследствии, 22 декабря, заявитель привлек второго адвоката, практикующего в г. Софии. 4 января 2000 г. заявитель и его обвиняемый при содействии защитников отказались от своих при-

знательных показаний, а их адвокаты ходатайствовали о повторном допросе своих подзащитных.

Европейский Суд пояснял, что, когда данные события относятся полностью или по большей части к исключительному ведению властей, как в случае получения травм лицами, содержащимися под стражей, *возникают убедительные презумпции о фактах*. В этом случае на властях лежит бремя доказывания с целью представить достаточное и убедительное объяснение путем предъявления доказательств, подтверждающих факты, ставящие под сомнение описание событий, данное потерпевшим (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Boucid v. Belgium*), жалоба № 23380/09¹, § 83, *ECHR* 2015, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, § 100, *ECHR* 2000-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «Ривас против Франции» (*Rivas v. France*) от 1 апреля 2004 г., жалоба № 59584/00, § 38, см. также среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Туран Джакир против Бельгии» (*Turan Cakir v. Belgium*) от 10 марта 2009 г., жалоба № 44256/06, § 54, Постановление Европейского Суда от 4 октября 2011 г. по делу «Мете и другие против Турции» (*Mete and Others v. Turkey*), жалоба № 294/08, § 112, и Постановление Большой Палаты по делу «Эль-Масри против Македонии» (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, § 152, *ECHR* 2012). В отсутствие такого объяснения Европейский Суд вправе сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для властей (см. среди прочих примеров, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 152).

Возложение бремени доказывания на власти Болгарии оправдано различными соображениями. Во-первых, содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении, как неоднократно указывал Европейский Суд, и власти обязаны защищать их (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», § 99). Стадия следствия может иметь особое значение для хода последующего уголовного разбирательства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (*John Murray v. United Kingdom*) от 8 февраля 1996 г., § 63, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-I, Постановление Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии» (*Martin v. Estonia*) от 30 мая 2013 г., жалоба № 35985/09, § 79). Факт изоляции заключенных и лишения

их информации может быть усугублен сложным уголовно-процессуальным законодательством, особенно что касается правил, регулирующих сбор и использование доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 52 и 54, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 77, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 253). Заключение не могут задокументировать доказательства обращения с ними помимо тех, что представляет государство (за счет медицинских осмотров, записей и так далее). Наконец, поскольку в этом случае право заявителя на защиту ограничено (см. § 128 настоящего Постановления) в отсутствие непреодолимых причин, на власти возлагается бремя представить убедительные доказательства того, почему общая справедливость судебного процесса не была умалена ограничением доступа к юридической помощи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 265).

По этим причинам надлежащее применение подхода в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» обязывает власти Болгарии доказать, что в течение трехдневного периода, предшествовавшего формальному обвинению и допросу заявителя, на него не оказывалось давление или принуждение.

ПРАВО ЗАЯВИТЕЛЯ НА ЗАЩИТУ

Общеизвестно, что статья 6 Конвенции гарантирует индивидуальное право лица быть *уведомленным* о праве на защиту, как только оно стало субъектом «уголовного обвинения»². Эти права включают право хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (*Bykov v. Russia*) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02³, § 92, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 45, и Постановление Европейского Суда по делу «Сервес против Франции» (*Serves*

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

² «Уголовное обвинение» существует с момента, когда лицо официально уведомлено компетентным органом о предположении о том, что он совершил преступление, или с момента, когда его положение существенно затронут действиями, предпринятыми властями в результате подозрения против него (см. §§ 110–111 настоящего Постановления и упоминавшееся выше Постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 249).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (примеч. редактора).

v. France) от 20 октября 1997 г., § 47, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI). Во-вторых, он имеет право на юридическую помощь, как только стал субъектом уголовного обвинения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Девер против Бельгии» (*Deweere v. Belgium*) от 27 февраля 1980 г., §§ 42–46, Series A, № 35, Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (*Eckle v. Germany*) от 15 июля 1982 г., § 73, Series A, № 51, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макфарлейн против Ирландии» (*McFarlane v. Ireland*) от 10 сентября 2010 г., жалоба № 31333/06, § 143). Эти права отражены в праве Европейского союза¹ и Международном пакте о гражданских и политических правах².

Справедливость разбирательства также требует, чтобы обвиняемый мог получить *весь спектр услуг*, конкретно связанных с юридической помощью, который включает без ограничения фундаментальные аспекты защиты лица: обсуждение дела, организацию защиты, сбор доказательств, благоприятных для обвиняемого, подготовку к допросу, поддержку обвиняемого при дистрессе и сдерживающих условиях содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (*Dayanan v. Turkey*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03, § 32, и Постановление Европейского Суда по делу «Богумил против Португалии» (*Bogumil v. Portugal*) от 7 октября 2008 г., жалоба № 35228/03, §§ 48–49). Право на защиту, предоставленное в соответствии со статьей 6 Конвенции, служит для сохранения равенства между государством и лицами, обвиняемыми в преступлениях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фуше против Франции» (*Foucher v. France*) от 18 марта 1997 г., § 34, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-II, Постановление Европейского Суда по делу «Булут против Австрии» (*Bulut v. Austria*) от 22 февраля 1996 г., § 47, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-II, Постановление Европейского Суда по делу «Бобек против Польши» (*Bobek v. Poland*) от 17 июля 2007 г., жалоба № 68761/01, § 56, и Постановление Европейского Суда по делу «Климентьев против Российской Федерации» (*Klimentyev v. Russia*) от 16 ноября 2006 г., жалоба № 46503/99³, § 95).

Европейский Суд отмечал, что уязвимость заключенных во время следственной стадии «может быть надлежащим образом компенсирована только помощью адвоката, задача которого

заключается, в частности, в том, чтобы помочь обеспечить соблюдение права обвиняемого не свидетельствовать против себя» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 54).

Если доступ к адвокату откладывается, тем выше потребность в уведомлении подозреваемого следственными органами о его праве на помощь адвоката, праве хранить молчание и привилегии не совершать самооговор. Тем более важно, чтобы лица, содержащиеся в полиции, пользовались помощью адвоката, если они ранее не уведомлялись властями об их праве хранить молчание (см. Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции» (*Brusco v. France*) от 14 октября 2010 г., жалоба № 1466/07, § 54, и Постановление Европейского Суда по делу «Навоне и другие против Монако» (*Navone and Others v. Monaco*) от 24 октября 2013 г., жалоба № 62880/11 и две другие, § 74)⁴. Кроме того, неуведомление заявителя о его праве на защиту считается особо значимым недостатком (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 303) и еще более затруднит для властей Болгарии высокий порог презумпции несправедливости, который возникает в отсутствие непреодолимых причин для отложения доступа к юридической помощи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 273 и 311).

В законодательстве Болгарии предоставление юридической помощи является правом *с момента задержания* (см. статью 70 Закона о Министерстве внутренних дел 1997 года и статьи 70 и 73 Уголовно-процессуального кодекса 1974 года). От права на защитника нельзя отказаться в делах, касающихся преступлений, влекущих наказания, которые превышают 10 лет лишения свободы, как в настоящем деле (см. статью 70 Уголовно-процессуального кодекса 1974 года). Согласно последовательной прецедентной практике Верховного кассационного

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Навоне и другие против Монако»: «74. [Европейский Суд] напоминает, что из его прецедентной практики, упоминавшейся выше, следует, что лицо, содержащееся в полиции, во-первых, имеет право не свидетельствовать против себя и хранить молчание и, во-вторых, право на юридическую помощь во время всех опросов и допросов. Соответственно, вопреки утверждениям властей государства-ответчика, это два отдельных права: любой отказ от одного из которых не предполагает отказа от другого. Кроме того, Европейский Суд подчеркивает, что это не делает данные права менее взаимодополняемыми, поскольку он уже указывал, что лица, содержащиеся под стражей, должны тем более пользоваться помощью адвоката, если они заблаговременно не уведомлялись властями о своем праве хранить молчание (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции», § 54)».

¹ См., в частности, Директиву 2012/13/EU о праве на информацию в уголовном разбирательстве и Директиву 2013/48/EU о праве доступа к адвокату в уголовном разбирательстве (см. §§ 74–75 настоящего Постановления).

² См., в частности, статью 14 и решения Комитета по правам человека (см. § 71 настоящего Постановления).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11 (примеч. редактора).

суда Болгарии, если власти не предъявили подозреваемому официальное обвинение в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса, это упущение составляет ограничение прав на защиту и вынуждает суд вернуть дело на стадию предварительного расследования (см. § 66 настоящего Постановления).

ОЦЕНКА ОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Мы не можем согласиться с выводом большинства судей о том, что общая справедливость судебного процесса была убедительно установлена, поскольку доказательства, на основании которых заявитель был осужден, не были затронуты отсутствием адвоката в период содержания под стражей. Власти Болгарии не представили или почти не представили доказательств относительно предварительного заключения заявителя, во время которого власти Болгарии признали нарушение прав заявителя, предусмотренных внутригосударственным законодательством и правом Европейского союза, а также настоящей Конвенцией (см. §§ 59 и 101 настоящего Постановления). Власти Болгарии не опровергли утверждения заявителя о том, что он был неформально допрошен при содержании под стражей, эта информация могла быть использована для его обвинения в первую очередь. Власти Болгарии также не доказали, что процессуальные нарушения, которые они допустили, в совокупности не затронули добровольность признания обвиняемого, от которого он впоследствии отказался. Поскольку заявитель неоднократно утверждал, что был допрошен властями в период содержания под стражей, мы не можем согласиться с большинством судей в том, что заявитель не ссылался во внутригосударственных судах или Европейском Суде на причинно-следственную связь между отсутствием адвоката во время его содержания под стражей с 3 по 6 октября и признанием, которое он сделал 21 октября (см. § 140 настоящего Постановления). Мы также не можем согласиться с выводом большинства судей о том, что, таким образом, отсутствие адвоката во время содержания заявителя в полиции ни в коем случае не причинило ущерба его праву не подвергаться самооговору (см. § 140 настоящего Постановления).

Европейский Суд традиционно признавал, что ограничения доступа к юридической помощи на стадии следствия, когда заявитель находится в особо уязвимом положении, могут затрагивать общую справедливость разбирательства. Ни последующая юридическая помощь, ни состязательная процедура в ходе дальнейшего разбирательства не устраняют недостатки, имевшие место во время предварительного заключения заявителя (см. Постановление Европейского Суда по делу

«Мехмет Шериф Ёнер против Турции» (Mehmet Şerif Öner v. Turkey) от 13 сентября 2011 г., жалоба № 50356/08, § 21, Постановление Европейского Суда по делу «Леонид Лазаренко против Украины» (Leonid Lazarenko v. Ukraine) от 28 октября 2010 г., жалоба № 22313/04, § 57, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 58, и Постановление Европейского Суда по делу «Плонка против Польши» (Płonka v. Poland) от 31 марта 2009 г., жалоба № 20310/02, §§ 39–41¹).

Подход большинства судей сосредоточен исключительно на доказательствах, использованных для осуждения заявителя, что несовместимо с требованием о рассмотрении разбирательства в целом, а не на основе изолированных соображений (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 251). Кроме того, подобный подход позволяет государству-ответчику сосредоточиться только на доказательствах, использованных для осуждения заявителя, при исполнении его бремени доказывания того, что общая справедливость не была умалена. Данный подход, во-первых, несовместим с требованиями дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», согласно которому Европейский Суд должен учитывать совокупный эффект процессуальных недостатков при оценке того, доказали ли власти государства-ответчика, что общая справедливость судебного процесса не была невосполнимо умалена решением не предупреждать его и ограничивать его доступ к юридической помощи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 311²). Во-вторых, данный подход может сделать процессуальные права, защищенные в соответствии со статьей 6 Конвенции, теоретическими и иллюзорными, объединив доказывание того, что заявителю

¹ В своих объяснениях Большой Палате Европейского Суда «Ассоциация по предотвращению пыток» указала, что в делах о предварительном заключении, даже если задержанный не дает показаний, простое отсутствие адвоката в первые несколько часов его содержания под стражей причиняет ущерб справедливости разбирательства. Это особенно верно в делах, в которых утверждения особенно серьезны, и заключенный находится в особо уязвимом положении (см. § 106 настоящего Постановления).

² Мы отмечаем, что нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции установлено в отношении четвертого заявителя в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» на том основании, что власти Соединенного Королевства (i) не имели непреодолимых причин для ограничения его доступа к юридической помощи во время его предварительного заключения, (ii) не предупредили заявителя, (iii) не проинформировали его о праве на защиту. Таким образом, власти Болгарии не могли опровергнуть презумпцию несправедливости или доказать, почему общая справедливость не была невосполнимо умалена (см. §§ 301 и 311 настоящего Постановления).

было обеспечено справедливое судебное разбирательство, с материальной виной заявителя.

Согласно последовательной прецедентной практике Европейского Суда сторона обвинения должна доказать обвинение, не используя доказательства, полученные в результате принуждения или в нарушение воли обвиняемого (см. среди многих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (*Saunders v. United Kingdom*) от 17 декабря 1996 г., § 68, *Case-law Reports* 1996-VI, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, § 100, *ECHR* 2006-IX, и Постановление Европейского Суда по делу «Шмид-Лаффер против Швейцарии» (*Schmid-Laffer v. Switzerland*) от 16 июня 2015 г., жалоба № 41269/08, § 38). Добровольность и действительность последующего признания заявителя ставятся под вопрос, если, как в настоящем деле, процессуальные права заявителя нарушены во время предварительного заключения (см., *mutatis mutandi*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйд против Бельгии», § 83, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 45, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Шериф Ёнер против Турции», § 21, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лопата против Российской Федерации», §§ 137, 140–144, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Аверилл против Соединенного Королевства», § 60).

Как признал Европейский Суд, в настоящем деле ряд прав заявителя в соответствии с его прецедентной практикой и внутригосударственным законодательством были нарушены следственными органами Болгарии (§§ 122, 124, 127 настоящего Постановления). Власти Болгарии не смогли предъявить заявителю постановление о его задержании и проинформировать его о праве на защиту при задержании (см. § 127 настоящего Постановления), предоставить ему адвоката при задержании (см. § 101 настоящего Постановления), безотлагательно уведомить его родителей о его заключении под стражу и надлежащим образом задокументировать его содержание¹. Уклонение государства от ведения надлежащих записей в отношении событий, сопровождавших содержание под стражей обвиня-

емого, его причин и длительности, а также того, был ли обвиняемый надлежащим образом уведомлен о его праве на защиту при задержании, признавалось Европейским Судом нарушением статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Смолик против Украины» (*Smolik v. Ukraine*) от 19 января 2012 г., жалоба № 11778/05, § 45, и Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против Российской Федерации» (*Menesheva v. Russia*), жалоба № 59261/00², § 87, *ECHR* 2006-III)³.

Заявителю, кроме того, был предоставлен назначенный судом адвокат не по его выбору, и он был допрошен почти немедленно после этого, поэтому он не мог на данной стадии совещаться со своим защитником для подготовки защиты. В этой связи утверждение заявителя о том, что он не мог иметь конфиденциальные встречи со своим адвокатом, поскольку следователь всегда присутствовал во время его юридических консультаций, является запоздалым соображением. В отсутствие у властей Болгарии доказательств противного эти факты составляют нарушение права заявителя на эффективную помощь защитника (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Богумил против Португалии», § 48, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 79, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции», § 32, Решение Комиссии по правам человека по делу «Бонзи против Швейцарии» (*Bonzi v. Switzerland*) от 12 июля 1978 г., жалоба № 7854/77, и доклад Комиссии по правам человека по делу «Кан против Австрии» (*Can v. Austria*) от 30 сентября 1985 г., жалоба № 9300/81, § 52).

Европейский Суд последовательно указывал, что внутригосударственные власти должны учитывать пожелания обвиняемого относительно выбора его правового представительства, но могут пренебречь этими желаниями при наличии соответствующих и достаточных оснований для вывода о том, что это необходимо в интересах правосудия (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 79, см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мефтах и другие против Франции» (*Meftah and Others v. France*),

¹ Согласно докладу ЕКПП 1999 года действовавшее в то время законодательство Болгарии не предусматривало право на уведомление родственников о содержании в полиции, в котором часто отказывали и существенно откладывали его (см. §§ 29–30 настоящего Постановления). Сообщалось также о систематическом уклонении полиции от ведения документации о содержании под стражей (см. § 43 настоящего Постановления).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6 (примеч. редактора).

³ Мы считаем, что уклонение властей Болгарии от доказывания того, что заявитель был незамедлительно уведомлен о причинах его задержания и предъявленных ему обвинениях, само по себе составляет нарушение пункта 2 статьи 5 Конвенции («Каждому арестованному незамедлительно сообщаются... причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение»). К сожалению, заявитель не ссылаясь на это нарушение в своих состязательных документах в Европейском Суде.

жалоба № 32911/96 и две другие, § 45, *ECHR* 2002-VII, Постановление Европейского Суда по делу «Майзит против Российской Федерации» (*Mayzit v. Russia*) от 20 января 2005 г., жалоба № 63378/00¹, § 66, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Климентьев против Российской Федерации», § 116, Постановление Европейского Суда по делу «Витан против Румынии» (*Vitan v. Romania*) от 25 марта 2008 г., жалоба № 42084/02, § 59, Постановление Европейского Суда по делу «Павленко против Российской Федерации» (*Pavlenko v. Russia*) от 1 апреля 2010 г., жалоба № 42371/02², § 98, Постановление Европейского Суда по делу «Загородний против Украины» (*Zagorodniy v. Ukraine*) от 24 ноября 2011 г., жалоба № 27004/06, § 52, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии», § 90). В случае, если подобные основания отсутствуют, ограничения при свободном выборе адвоката могут повлечь нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции наряду с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, если это отрицательно сказалось на защите заявителя с учетом разбирательства в целом (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 79, см. также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мефтах и другие против Франции», §§ 46–47, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Витан против Румынии», §§ 58–64, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Загородний против Украины», §§ 53–55, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии», §§ 90–97). В совокупности эти факторы дают основания сомневаться в том, что заявитель имел эффективный доступ к юридической консультации до того, как сделал свое признание, особенно поскольку заявитель и его обвиняемый немедленно отказались от своих признаний после того, как был привлечен другой адвокат, и они получили доступ к материалам дела (см. § 27 настоящего Постановления).

Помимо этих явных нарушений, собственные объяснения властей Болгарии изобилуют ошибками и упущениями. Утверждение властей Болгарии о том, что с 3 по 6 октября не проводились допросы заявителя, противоречит не только Постановлению Палаты («в это время должностные лица... допросили [заявителя] по поводу разбойного нападения и двух убийств, совершенных в г. Бургас» (см. § 9 настоящего Постановления), но и собственным составительным документам

(«Господин Председатель, возможно, что беседа или даже допрос имели место с участием заявителя и полицейских или следователя в г. Софии. Однако такой допрос не подтверждается объективно в какой-либо форме» (устные объяснения властей Болгарии, стр. 6)). По мнению Европейского Суда, любая беседа между задержанным подозреваемым в совершении преступления и полицией должна рассматриваться как формальный контакт и не может характеризоваться как «неформальный допрос», даже если власти утверждают, что они не использовали информацию, полученную в ходе такого допроса (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии», §§ 95–97, и Постановление Европейского Суда по делу «Титаренко против Украины» (*Titarenko v. Ukraine*) от 20 сентября 2012 г., жалоба № 31720/02, § 87).

Другие установленные в настоящем деле факты дают основания сомневаться в том, что заявитель свободно использовал свою привилегию не свидетельствовать против самого себя. Во-первых, в течение этих трех дней проводились допросы свидетеля преступления и обвиняемого заявителя, подписанное признание которого было приобщено к материалам дела 3 октября 1999 г. (см. § 20 настоящего Постановления). В свете этих допросов заявитель, который содержался отдельно от своего обвиняемого, мог быть обманутым за счет классической дилеммы заключенного: ситуации, явно предназначенной для оказания давления на заключенного с целью принуждения к признанию или иному оговору. В этой ситуации ограниченный доступ заявителя к правовому представительству позволял оказывать на него такое давление способом, несовместимым с правом быть свободным от самооговора (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции», § 54). Доклад Комитета против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) 1999 года подтверждает, что в то время стандартной практикой полицейских в Болгарии было проведение начальной «беседы» с лицом, доставленным в полицию, продолжавшуюся до трех часов³. Заключенные часто не информировались об их праве на доступ к адвокату, и данный доступ «редко предоставлялся, если вообще предоставлялся, лицам в период их содержания под стражей»⁴. В 2015 году ЕКПП дополнил этот доклад, выразив озабоченность в связи с «постоянным уклонением властей Болгарии от рассмотрения большей части недостатков обращения с заключенными. В частности, заключенные обычно отрицали доступ к адвокату на начальной стадии содержания в полиции (см. § 79 настоящего Постановления).

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 10 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2010. № 10 (примеч. редактора).

³ Доклад ЕКПП 1999 года, § 11.

⁴ Там же, §§ 33–34.

Европейский Суд признает, что «[м]ожет показаться, что события в настоящем деле соответствуют практике властей, которая серьезно критиковалась» (см. § 130 настоящего Постановления). Он также отмечает, что «такую практику властей было бы трудно согласовать с верховенством права, прямо упомянутым в Преамбуле к Конвенции, и присутствующим во всех ее статьях» (см. § 131 настоящего Постановления), но не идет дальше этих кратких комментариев.

Большинство судей также ссылаются на утверждение о том, что осуждение заявителя не было основано исключительно на признании, сделанном им 21 октября 1999 г., а на всей совокупности доказательств (см. § 142 настоящего Постановления). Европейский Суд сожалеет о том, что «неудачно, что первые три дня содержания заявителя под стражей не были надлежащим образом задокументированы» (см. § 124 настоящего Постановления), чтобы избежать доказательных брешей, с которыми Европейский Суд борется в настоящем деле, но кратко заключает, что «отсутствует причинно-следственная связь» (см. § 140 настоящего Постановления) между отсутствием адвоката и признанием заявителя, сделанным спустя две недели. Отнюдь неясно отсутствие причинно-следственной связи между этим более широким сводом доказательств, признанием заявителя и отсутствием адвоката во время содержания заявителя под стражей в полиции. Как упоминалось выше, полиция получила признание обвиняемого и свидетеля, в то время когда заявитель содержался под стражей. Кроме того, полиция собрала больше доказательств после того, как заявитель признался 21 октября (см. § 26 настоящего Постановления). Власти Болгарии не продемонстрировали, что эти доказательства были собраны независимо от сведений или понимания, которые полиция получила из признания заявителя.

С учетом неадекватности информации, предоставленной властями Болгарии, и уклонения внутригосударственных судов от удовлетворительного рассмотрения любых таких пунктов в соответствующих решениях Европейский Суд не может установить, что признание не являлось решающим фактором при осуждении заявителя. Европейский Суд подчеркивал, что при определении того, было ли разбирательство в целом справедливым, следует учитывать, соблюдались ли права защиты. В частности, необходимо рассмотреть, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить достоверность доказательств и их использование. Кроме того, должны приниматься во внимание качество доказательств, обстоятельства их получения и то, порождают ли эти обстоятельства сомнения в их достоверности или точности. В этой связи Европейский Суд также придает значение тому факту, имело ли конкретное доказательство решающее значение для исхода разбирательства (см.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гегген против Германии» (*Gäfigen v. Germany*), жалоба № 22978/05, §§ 164 и 165, *ECHR* 2010, и Постановление Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. United Kingdom*), жалоба № 35394/97, §§ 35 и 37, *ECHR* 2005). Поскольку Европейский Суд указал, что право обвиняемого на молчание и привилегия не свидетельствовать против самого себя являются общепризнанными международными стандартами, которые составляют суть понятия справедливой процедуры в соответствии со статьей 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции», § 44, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 45), мы не можем согласиться с тем, что власти Болгарии доказали справедливость судебного процесса, так как они не могут доказать, что не нарушали прав заявителя в соответствии со статьей 6 Конвенции при получении признания и последующих доказательств.

Мы подчеркиваем, что, несмотря на серьезные сомнения относительно проведения расследования, мы не призваны устанавливать недобросовестность действий следственных органов. Всё же с учетом отсутствия причин для отсрочки доступа к адвокату ссылки властей Болгарии на то, что не существует доказательств нарушения прав заявителя на эффективную юридическую помощь (см. § 101 настоящего Постановления), недостаточно для доказывания того, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство не было невосполнимо умалено. Европейский Суд указывает, что уклонение властей государства-ответчика от представления объяснения по поводу того, почему обвиняемому было отказано в юридической помощи в период содержания под стражей в полиции, составляет нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Галип Догру против Турции» (*Galip Doğru v. Turkey*) от 28 апреля 2015 г., жалоба № 36001/06, §§ 83–85¹).

¹ «83. Европейский Суд напоминает, что ему уже предоставлялась возможность рассмотреть жалобу на отсутствие адвоката во время содержания заявителя в полиции, установив нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции по данному основанию (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (*Salduz v. Turkey*), жалоба № 36391/02, §§ 45–63, *ECHR* 2008). Европейский Суд также напоминает, что он указывал, что справедливость разбирательства требует, чтобы обвиняемый мог получить весь комплекс услуг, конкретно связанных с юридической помощью (см. Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (*Dayanan v. Turkey*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03, § 32). В этой связи отсутствие адвоката во время производства следственных мер составляет нарушение требований статьи 6 Конвенции (см., в частности, Постановление Европейского Суда «Ибрагим Ёзтюрк против Турции» (*İbrahim Öztürk v. Turkey*) от 17 февраля

Эти упущения и увеливания особенно серьезны в свете многочисленных процессуальных нарушений, допущенных властями Болгарии во время предварительного заключения заявителя, как признал Европейский Суд.

Право заявителя на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 6 Конвенции было также умалено проверкой судов Болгарии, которые не выявили и не оценили ряд процессуальных нарушений. Во-первых, защита указала в окружном суде на несколько нарушений процессуальных норм внутригосударственного законодательства, но они, по-видимому, не были рассмотрены в его решении (см. §§ 37–41 настоящего Постановления). Кроме того, в своей жалобе в Верховный кассационный суд заявитель утверждал, что его право на помощь адвоката в соответствии с внутригосударственным законодательством и Конституцией было нарушено, но этот довод также не был рассмотрен (см. §§ 43–44 настоящего Постановления). Верховный кассационный суд решил, что факты по делу достаточно установлены и что соответствующее процессуальное законодательство было применено надлежащим образом (см. § 44 настоящего Постановления). Трудно понять, как можно разумно прийти к такому заключению притом, что власти Болгарии не представили доказательств в поддержку утверждения о том, что они надлежащим образом соблюдали все процессуальные меры, которые были юридически обязаны совершать. Согласно законодательству Болгарии, если следственные органы не выполнили обязанность уведомить обвиняемого о правовой основе обвинения в соответствии с процедурой или не предоставили обвиняемому защитника, суд первой инстанции имеет основания прекратить судебное разбирательство и вернуть дело на стадию расследования (см. § 66 настоящего Постановления). Таким образом, мы не можем заключить вместе с большинством судей, что внутригосударственные суды на всех уровнях

юрисдикции надлежащим образом оценили, были ли соблюдены процессуальные права заявителя (см. § 143 настоящего Постановления).

Во-вторых, власти Болгарии не представили доказательств для отклонения утверждений заявителя о том, что он был допрошен без адвоката в полиции при обвинении в убийстве. В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии» Европейский Суд указал, что не имелось препятствий для использования показаний, данных на предварительном следствии, в качестве «общих знаний», создающих основу обвинения против обвиняемого, и следственных мер, которые были впоследствии проведены. Соответственно, использование подобных показаний в поддержку обвинений обязательно скомпрометировало бы общую справедливость разбирательства и сделало бы любое последующее доказательство (такое как признание) недопустимым (см. § 95 настоящего Постановления). В свете признания властями Болгарии «неформального допроса», поддержанного докладом ЕКПП о данной систематической практике следователей, мы не согласны с большинством судей в том, что в трехдневный период в начале содержания заявителя под стражей в полиции власти не получили доказательств, которые могли быть использованы против заявителя, даже если они не имели решающего значения при вынесении окончательного приговора (см. § 137 настоящего Постановления).

В-третьих, очевидно, что внутригосударственные суды не рассматривали вопрос о юридической помощи должным образом, несмотря на тот факт, что заявитель последовательно выдвигал этот довод во внутригосударственных судах, и обе стороны согласились с тем, что заявителю было отказано в юридической помощи в период содержания под стражей. При схожих фактических обстоятельствах Европейский Суд приходил к выводу, что, если «соответствующие [внутригосударственные] судебные решения не содержат значимых выводов по вопросу о правовой помощи... Европейский Суд не убежден в том, что на жалобу заявителя была надлежащая реакция со стороны внутригосударственных судов, и полагает доказанным то, что справедливая процедура оценки вопроса о правовой помощи не существовала в настоящем деле» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ванфули против Российской Федерации» (Vanfuli v. Russia) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 24885/05¹, §§ 103–105, и Постановление Европейского Суда по делу «Нечто против Российской Федерации» (Nechto v. Russia) от 24 января 2012 г., жалоба № 24893/05², §§ 111–113).

2009 г., жалоба № 16500/04, §§ 48–49, и Постановление Европейского Суда «Карадаг против Турции» (Karadağ v. Turkey) от 29 июня 2010 г., жалоба № 12976/05, § 46).

84. При обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд отмечает, что заявитель имел возможность консультироваться с адвокатом и получать его помощь во время содержания под стражей. При этом с учетом доказательств, содержащихся в материалах дела, может представляться, что заявитель не имел юридической помощи во время применения определенных процессуальных мер в период содержания под стражей, таких как его перевозка в данные места для реконструкции событий и показаний полиции. Власти Болгарии не предоставили каких-либо объяснений этому отсутствию помощи.

85. Оценив настоящее дело в свете принципов, изложенных в его прецедентной практике (см. § 83 настоящего Постановления), Европейский Суд считает, что власти Болгарии не представили факта или довода, которые могут привести к любому другому заключению. Таким образом, он устанавливает нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции».

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 4 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2013. № 3 (примеч. редактора).

Следовательно, мы заключаем, что суды государства-ответчика не провели адекватной проверки дела заявителя в соответствии с внутригосударственным законодательством. Таким образом, даже в отсутствие у властей Болгарии данных о том, что признание было полностью информированным и добровольным, мы настаиваем на том, что они не доказали, что обращение властей государства-ответчика с заявителем невосполнимо не умалило общую справедливость судебного процесса.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОСНОВЫ ОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

В своем недавнем Постановлении Европейский Суд подчеркнул «необходимость рассматривать не внешние признаки и используемые термины, а сосредоточиться на реальной ситуации» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/06¹, § 180, *ECHR* 2016). Настоящее Постановление игнорирует приглашение сделать именно это, с глубоко тревожными последствиями. Каковы, могли бы мы спросить, стимулы для сотрудников полиции, если, как сейчас, Европейский Суд узаконивает потенциальную «черную дыру», в которой оказывается заявитель, заключенный на неопределенный срок в отсутствие прав на информацию или юридическую помощь, если он официально не допрошен?

Европейский Суд признает, что право на доступ к юридической помощи, «фундаментальная гарантия от жестокого обращения», должно быть предоставлено «с первого допроса подозреваемого полицией» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 54, 55). Однако, как судья Братца написал в провидческом совпадающем особом мнении к Постановлению по делу «Салдуз против Турции», «[б]ыло бы достойно сожаления, если бы Постановление создавало впечатление, что не может возникнуть вопроса в соответствии со статьей 6 Конвенции, если подозреваемый имел доступ к адвокату в момент, когда его допрос начался, или что статья 6 Конвенции применима, только если отказ в доступе затронул справедливость допроса подозреваемого»². Отказ обвиняемому в доступе к адвокату с начала его содержания под стражей может невосполнимо умалить права этого лица на защиту, независимо от того, вытекает ли такое умаление из допроса подозреваемого.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

² Совпадающее особое мнение судьи Братцы. См. также совпадающее особое мнение судьи Загребельского, к которому присоединились судьи Касадеваль и Тюрмен.

Формулировка пункта 3 статьи 6 Конвенции ясна: каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право «быть незамедлительно» уведомленным о характере и основании предъявленного ему обвинения и иметь «достаточное время и возможности» для подготовки своей защиты. В деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» власти государства-ответчика сослались на «непреодолимые причины» для отложения доступа к юридической помощи, а именно «срочную необходимость предотвращения серьезных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности» (§§ 258–259). В этом деле «непосредственная» угроза, задокументированная властями государства-члена, влекла «исключительное» смягчение права четверых подозреваемых в терроризме на допрос только в присутствии адвоката. В настоящем Постановлении мы не имеем исключительной ситуации, непреодолимого публичного интереса в ограничении права заявителя на справедливое судебное разбирательство, и объяснения властей государства-ответчика о том, почему этот отход от процедуры является оправданным. Анализ общей справедливости, примененный в данном деле, подвергает риску замены оценки справедливости судебного процесса оценкой видимости правомерности осуждения.

Конечно, отсутствия непреодолимых причин действительно недостаточно для установления нарушения самого по себе (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (*Heaney and McGuinness v. Ireland*), жалоба № 34720/97, § 47, *ECHR* 2000-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Вех против Австрии» (*Weh v. Austria*) от 8 апреля 2004 г., жалоба № 38544/97, § 46, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О’Хэллоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства» (*O’Halloran and Francis v. United Kingdom*), жалобы №№ 15809/02 и 25624/02, § 53, *ECHR* 2007-III, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», § 79). Однако, как мы указывали, вывод о нарушении является сверхопределенным в настоящем деле в свете извращения «практического и эффективного» права обвиняемого на юридическую помощь и явных нарушений законодательства, допущенных полицией Болгарии, которые остались незамеченными внутригосударственными судами.

В настоящем деле фундаментальные права заявителя на защиту были нарушены в отсутствие непреодолимой причины и без уравнивающих элементов. Лица, находящиеся в предварительном заключении, оказываются в одной из самых уязвимых ситуаций, с которыми они могут столкнуться во время уголовного разбирательства, особенно когда им отказано в доступе к юридической помощи и информации об их правах. Мы сожалеем, что настоящее Постановление служит только дальнейшему ослаблению этой позиции.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЕОРГИЯ А. СЕРГИДЕСА

1. Как и остальные мои коллеги, я считаю, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в настоящем деле, но, к сожалению, нижеизложенным причинам не могу согласиться с большинством судей в том, что по делу требования пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции нарушены не были.

А. ТРЕБУЕТСЯ ЛИ ОЦЕНКА ОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТСУТСТВИЕ НЕПРЕОДОЛИМЫХ ПРИЧИН ДЛЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ДОСТУПА К АДВОКАТУ

2. Хотя я согласен с большинством судей в том, что отсутствовали непреодолимые причины для ограничения права заявителя на доступ к адвокату в течение трех дней, с 3 по 6 октября 1999 г., при всем уважении я не согласен с тем, что на вопрос о необходимости оценки общей справедливости следует дать утвердительный ответ.

3. Ниже я рассмотрю основные постановления Большой Палаты Европейского Суда по этому вопросу в хронологическом порядке.

4. В Постановлении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions 1996-I* обвиняемый не имел доступа к адвокату в течение двух дней (то есть меньше, чем период, в течение которого не имел доступа к адвокату заявитель в настоящем деле) и предпочел хранить молчание во время допроса. Европейский Суд прямо указал (см. там же, § 66, курсив мой. – Г.А.С.), что это было несовместимо с положениями статьи 6 Конвенции, «каким бы ни было оправдание для такого отказа», то есть независимо от того, существовали ли непреодолимые причины для ограничения доступа к адвокату:

«отказывать в доступе к адвокату в первые 48 часов полицейского допроса в ситуации, когда право на защиту может быть невосполнимо уменьшено, каким бы ни было оправдание для такого отказа, несовместимо с положениями статьи 6 Конвенции».

Европейский Суд добавил в этом же Постановлении (см. там же, § 68, курсив мой. – Г.А.С.):

«Однако Европейский Суд не может строить догадки относительно того, какой была бы реакция заявителя или консультация его адвоката, если бы ему не было отказано в доступе в этот начальный период. При существующем положении заявитель неоспоримо был прямо затронут отказом в доступе к помощи и последующим вмешательством в права защиты. Вывод Европейского Суда относительно производства заключений не изменяет этого...».

5. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey) (жалоба № 36391/02, *ECHR*

2008) Европейский Суд разъяснил, что он перейдет к оценке общей справедливости, только если ограничение будет оправданным или для него будут существовать непреодолимые причины.

6. Следующие фрагменты из Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (см. там же, §§ 52 и 55) имеют отношение к делу и, в частности, формулировка, выделенная мной, представляет ясную иллюстрацию изложенного выше:

«...Таким образом, вопрос в каждом деле заключается в том, было ли оправдано ограничение, и, если да, не лишило ли это с учетом всей совокупности разбирательства обвиняемого справедливого судебного разбирательства, поскольку даже оправданное ограничение может сделать это при определенных обстоятельствах...»

...Европейский Суд полагает, что для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно «практическим и эффективным» (см. § 51 настоящего Постановления), пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, доступ к помощи адвоката обеспечивался с первого допроса подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела не имеется веских причин для ограничения этого права. Даже если непреодолимые причины в виде исключения оправдывают отказ в доступе к адвокату, такое ограничение, чем бы оно ни оправдывалось, не должно ненадлежащим образом умалять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции...».

7. Фразы «если да» (во французском тексте Постановления «*dans l'affirmative*») и «Даже если непреодолимые причины...» (по-французски «*Même lorsque des raisons impérieuses...*») в вышеупомянутых высказываниях из дела «Салдуз против Турции», на мой взгляд, не оставляют сомнений в том, что общая оценка требуется лишь при наличии непреодолимых причин для ограничения. Данные выражения указывают, когда открывается возможность в разбирательстве для рассмотрения общей справедливости, что имеет место лишь тогда, когда существуют непреодолимые причины для ограничения.

8. В конце § 56 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», под рубрикой «(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле», Европейский Суд указал следующее, что полностью согласуется с принципом, изложенным в § 52 и повторенным в § 55 этого Постановления (курсив мой. – Г.А.С.):

«Таким образом, не было представлено иного оправдания для отказа в доступе заявителя к адвокату, кроме факта того, что это было предусмотрено на систематической основе соответствующими правовыми нормами. Это уже само по себе не согласуется с требованиями статьи 6 Конвенции в этом отношении, как указано в § 52 настоящего Постановления».

9. Однако вместо того, чтобы остановить в конце § 56 Постановления Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» с учетом вышеизложенного, то есть установить, что отсутствуют непреодолимые причины для ограничения и это не согласуется с требованиями статьи 6 Конвенции, Европейский Суд в деле «Салдуз против Турции», тем не менее, приступил к рассмотрению дела по существу. Представляется, что, давая весьма краткие указания по существу дела, Европейский Суд руководствовался исключительно избыточной осторожностью, *ex abundanti cautela*¹. Это может быть подкреплено следующими аргументами.

А. Параграф 57 начинается словами «Европейский Суд также отмечает, что» (курсив мой. – Г.А.С.), и отсюда до конца раздела Европейский Суд сделал ряд замечаний, возможно, на мой взгляд, (а) для подчеркивания того, что в этом конкретном деле имело место нарушение того принципа, что гарантии пункта 1 статьи 6 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции должны быть практическими и эффективными, поскольку заявителю не был предоставлен адвокат, и (б) посредством демонстрации того, что факты дела могут поддержать данный вывод. Это подкрепляется указанием, которое Европейский Суд дал в § 55 своего Постановления:

«При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, что для того, чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно “практическим и эффективным” (см. § 51 настоящего Постановления), пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, был обеспечен доступ к адвокату...» (курсив мой. – Г.А.С.).

В. Не будет разумным утверждать, что Европейский Суд в деле «Салдуз против Турции» намеревался противоречить самому себе, а точнее, хотел отказаться от принципа, который он столь ясно провозгласил до этого.

С. Хотя он рассмотрел дело по существу, Европейский Суд не упомянул необходимость «оценки общей справедливости» и не использовал аналогичную терминологию.

Д. Европейский Суд в деле «Салдуз против Турции» разъяснил, что его высказывания не могут изменить или затронуть его заключение о том, что имело место нарушение в связи с непреодолимыми причинами для ограничения. Это подкреплено фрагментом из § 56 (уже процитированного), а также из следующего фрагмента § 58:

«Однако Европейскому Суду не следует строить предположения о том влиянии, которое доступ заявителя к адвокату в период содержания под стражей мог оказать на последующее разбирательство».

10. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии»

(*Dvorski v. Croatia*) (жалоба № 25703/11², *ECHR* 2015) принцип, изложенный в деле «Салдуз против Турции», по-видимому, был отклонен без всяких объяснений.

11. Принцип, установленный в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», заключается в том, что Европейский Суд рассматривает общую справедливость, только если не имеется достаточных оснований для ограничения, и это подкрепляется следующим фрагментом из § 82 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» (курсив мой. – Г.А.С.):

«...Европейский Суд полагает, что *первым шагом* должна быть оценка, было ли продемонстрировано с учетом особых обстоятельств каждого дела существование *относимых и достаточных оснований* для пренебрежения или препятствования воле заявителя в части его или ее юридического представительства. *Если такие основания отсутствуют*, Европейский Суд должен оценить общую справедливость уголовного разбирательства. Осуществляя свою оценку, Европейский Суд может учитывать ряд факторов, включая характер разбирательства и применение некоторых профессиональных требований...».

12. Однако Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» отличается от дела «Салдуз против Турции» и настоящего дела, поскольку вопрос, возникающий в первом деле, заключается не в ограничении права заявителя на доступ к адвокату, а в помощи адвоката по своему выбору.

13. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. United Kingdom*) (жалобы №№ 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09³, §§ 263–265 и 301, *ECHR* 2016) установленный принцип отличался от принципов, выработанных в трех предыдущих делах соответственно. Согласно Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» тест общей справедливости должен рассматриваться в каждом деле независимо от того, имелись ли непреодолимые причины для ограничения. Единственная разница между делами, где имелись или нет непреодолимые причины для ограничения, заключалась в стандарте доказывания и в том, какая из сторон должна была его соблюдать.

14. Подход, использованный Европейским Судом в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», ясен из следующих фрагментов (курсив мой. – Г.А.С.):

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (примеч. редактора).

¹ *Ex abundanti cautela* (лат.) – от избытка осторожности (примеч. переводчика).

«256. Однако давно признано, что при исключительных обстоятельствах допускается задержка в осуществлении права на получение юридической помощи (см., например, упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу “Джон Мюррей против Соединенного Королевства”, Решение Европейского Суда по делу “О’Кэйн против Соединенного Королевства” (O’Kane v. United Kingdom) от 6 июля 1999 г., жалоба № 30550/96, и упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам “Маги против Соединенного Королевства” и “Бреннан против Соединенного Королевства”). В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (§ 55) Европейский Суд, проанализировав существующую прецедентную практику в этой области, заявил:

“...чтобы право на справедливое судебное разбирательство в достаточной мере “практически осуществимым и эффективным” ... пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы возможность пользоваться услугами адвоката предоставлялась, как правило, с момента первого допроса подозреваемого в полиции, за исключением случаев, когда с учетом конкретных обстоятельств каждого дела доказано существование убедительных оснований для ограничения этого права. Даже при наличии убедительных оснований, которые в исключительных случаях могут оправдать лишение возможности пользоваться услугами адвоката, такое ограничение, какими бы соображениями оно ни было оправдано, не должно излишне ущемлять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции... В принципе правам на защиту будет нанесен непоправимый ущерб, если изобличающие показания, данные во время допроса сотрудникам полиции, в ходе которого у допрашиваемого не было возможности прибегнуть к помощи адвоката, используются для вынесения обвинительного приговора”.

257. Критерий, сформулированный в деле “Салдуз против Турции”, на основании которого определяется, соответствует ли *ограничение доступа к адвокату праву на справедливое разбирательство дела*, имеет два аспекта. Во-первых, Европейский Суд должен определить, имелись ли убедительные основания для такого ограничения. Во-вторых, он должен оценить ущерб, которое это ограничение причинило правам на защиту. Другими словами, Европейский Суд должен определить, как повлияло это ограничение на общую справедливость производства по делу, и решить, было ли справедливим всё производство по делу в целом...

262. Соответственно, Европейский Суд напоминает, что при определении того, имело ли место нарушение права на справедливое разбирательство дела, необходимо принять во внимание производство по делу в целом, поскольку права, предусмотренные пунктом 3 статьи 6 Конвенции, не являются самоцелью, а дают примеры конкретных аспектов общего права на справедливое разбирательство дела (см. §§ 250–251 настоящего Постановления). Следовательно, *отсутствие убедительных оснований* само по себе не приводит к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции.

(iv) *Влияние на оценку справедливости наличия или отсутствия непреодолимых причин*

263. То, что отсутствия убедительных оснований самого по себе недостаточно для вывода о нарушении статьи 6 Конвенции, не означает, что результаты применения критерия “убедительных оснований” не имеют значения при определении общей справедливости производства по делу.

264. Когда установлено наличие убедительных оснований, необходимо провести комплексный анализ производства по делу в целом, чтобы определить, было ли оно “справедливым” для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции...

265. При отсутствии убедительных оснований для ограничения доступа к юридической помощи Европейский Суд должен очень строго подходить к оценке справедливости производства по делу. Если государство-ответчик не доказало наличия убедительных оснований, то это имеет большое значение при определении общей справедливости разбирательства и может склонить чашу весов в пользу вывода о нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (аналогичный подход в отношении пункта 1 и подпункта “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции был применен в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу “Шачавили против Германии”, § 113). Именно власти государства-ответчика должны убедительно доказать, почему в порядке исключения в конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости разбирательства по делу».

15. То, что эта обязанность доказывания перелagается на власти государства-ответчика в отсутствие непреодолимых причин, следует из § 301 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (упоминавшегося выше):

«От Европейского Суда требуется рассмотреть производство по уголовному делу четвертого заявителя в целом, чтобы определить, было ли оно справедливым по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако, как отмечалось выше (см. § 265 настоящего Постановления), в отсутствие убедительных оснований для ограничения права четвертого заявителя на получение юридической помощи *обязанность убедительно доказать*, почему в порядке исключения и при конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости разбирательства, переходит к властям государства-ответчика» (курсив мой. – Г.А.С.).

16. Хотя Европейский Суд в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» не использовал терминологию стандарта доказывания, применяемую в гражданских делах, а именно «о балансе возможностей», и терминологию, используемую в уголовных делах, а именно «вне всякого разумного сомнения», что он заявил, однако, представляется, если говорить попросту, что первый стандарт применяется к заявителю,

если имеются непреодолимые причины, а последний стандарт – к государству-ответчику, если отсутствовали непреодолимые причины.

17. Однако при всем уважении в Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд пренебрег, *inter alia*, явным буквальным значением слов «если да» и «даже если непреодолимые причины» в §§ 52 и 55 соответственно Постановления по делу «Салдуз против Турции», поскольку эта формулировка не включена в соответствующие фрагменты данного Постановления. Обойдя эту формулировку, он однозначно не следовал латинской правовой максиме по поводу толкования, а именно *interpretatio fienda est ut res magis valeat quam pereat* («толкование должно быть такое, чтобы сделка была действительной, а не недействительной», см.: *Jenkins. Centuries or Reports*, 198), которая обычно применяется при толковании законов и договоров, а также является одним из проявлений принципа эффективности и поэтому используется в толковании договора и сама по себе воплощена в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (см. Венская конвенция о праве международных договоров – подготовительные материалы (*The Vienna Convention on the Law of Treaties – Travaux Préparatoires*, Frankfurt, 1978. P. 239–240; см. также что касается «*règle de l'effet utile*» и «*règle de l'efficacité*»: *Georges Berlia. Contribution à l'interprétation des traits in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 114 (1965–1). P. 396 and *et seq.*).

Какой лучший принцип может быть применен при уяснении или толковании слов постановления, которые абсолютно ясны, чем принцип, который придает полные вес и значение каждому использованному принципу? Также вполне уместны следующие правовые максимы толкования, основанные на здравом смысле и не оставляющие сомнения в данном вопросе: *interpretatio cessat in claris* (толкование прекращается, когда текст ясен); *quoties in verbis nulla est ambiguitas ibi nulla expositio contra verba fienda est* (если в словах отсутствует двусмысленность, не делается объяснение, противоречащее словам, см.: *Coke. On Littleton*, 147(a)); *absoluta sententia expositione non indiget* (абсолютное предложение не требует объяснения, см.: 2 *Justinian, Institutes*, 533, и *Emer De Vattel. Law of Nations*, Вк. 2, § 263: «не дозволительно толковать, когда толкование не требуется»); *expressio facit cessare tacitum* (прямое высказывание вещи исключает возможность предположения чего-то несовместимого с ней, см.: *E Coke. On Littleton*, 210(a), и *F.A.R. Bennion. Bennion on Statutory Interpretation: A Code*, fifth edition, London, 2008, section 389, p. 1249–1250).

Но важна не только вышеупомянутая формулировка в деле «Салдуз против Турции»: в Постановлении по делу Салдуза никоим образом не

утверждается и не предполагается, что две стадии теста, упоминаемого в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», являются обязательными или необходимыми в каждом деле.

18. В Постановлении по настоящему делу, в разделе «(d) Временное ограничение доступа к адвокату в силу “непреодолимых причин”» (см. §§ 116–118), большинство судей последовали подходу, принятому в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», вновь процитировав (как и само Постановление) тот же фрагмент из дела Салдуза (§ 55), который при всем уважении не только не поддерживает толкование, данное в Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и использованное в настоящем деле, но по сути утверждает нечто совсем иное.

19. Большинство судей не указали причины, по которой они отступили от подхода в деле «Салдуз против Турции», возможно, потому, что они просто следовали Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». При всем уважении они повторили неправильное прочтение дела «Салдуз против Турции» со ссылкой на две обязательные стадии оценки, в то время как в названном деле явно указывается на то, что вторая стадия требуется только в том случае, если имеются непреодолимые причины для ограничения.

20. Следует отметить, что дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и «Салдуз против Турции» были рассмотрены Большой Палатой Европейского Суда. Постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» вынесено после Постановления по делу «Салдуз против Турции». Однако Постановление по делу «Салдуз против Турции» принято по соответствующему вопросу единогласно, тогда как Постановление «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» вынесено подавляющим большинством голосов (15 голосами «за» при двух – «против»).

21. Действительно, постановления Большой Палаты имеют высоко убедительную ценность и силу, и Европейский Суд не может отступать от предыдущих постановлений, если в последующем деле, рассматриваемом Большой Палатой Европейского Суда, не приведены уважительные причины. В настоящем деле, которое является новым делом Большой Палаты, она при всем надлежащем уважении должна была, во-первых, признать, что Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» основано на неправильном прочтении дела «Салдуз против Турции». Во-вторых, признать, что данный подход в двух делах был различным. И, наконец, решить,

какому из них необходимо следовать, с приведением убедительных причин. Если Постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» вынесено в результате неправильно прочтения дела «Салдуз против Турции», или *per incuriam*¹, было бы достаточно, чтобы Европейский Суд в настоящем деле разъяснил это и отступил от Постановления Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», применив правильное прочтение дела «Салдуз против Турции», если независимо от неправильного толкования дела Салдуза Европейский Суд не должен найти подход в Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», то есть две обязательные стадии, более оправданным и юридически корректным и следовать ему, приведя дополнительные причины, почему не стоит следовать подходу в деле «Салдуз против Турции», применив новый подход.

22. Кроме того, Европейский Суд мог отличить настоящее дело от Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» на основании фактов и следовать надлежащему прочтению дела «Салдуз против Турции». Настоящее дело больше схоже с делом «Салдуз против Турции», чем с делом «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», поскольку Европейский Суд решил, что отсутствуют непреодолимые причины для ограничения. То же относится к делу «Салдуз против Турции», но не к делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», где Европейский Суд установил в отношении первых трех заявителей, что имелись непреодолимые причины для применения ограничений в отношении них. Что касается четвертого заявителя в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», то, хотя отсутствовали непреодолимые причины для ограничения, это дело отличалось от настоящего, поскольку заявитель первоначально был допрошен полицией не в качестве подозреваемого, а в качестве свидетеля. Таким образом, поскольку в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» существовали непреодолимые причины для ограничения, на что Европейский Суд указывал в этом деле при толковании и применении дела «Салдуз против Турции», о том, должен ли он перейти к оценке общей справедливости даже в случае установления отсутствия непреодолимых причин для ограничения, являлось не *ratio decidendi*² Постановления, а лишь *obiter dictum*³.

¹ *Per incuriam* (лат.) – по неосторожности (примеч. переводчика).

² *Ratio decidendi* (лат.) – обязательная часть решения английского суда (примеч. переводчика).

³ *Obiter dictum* (лат.) – рекомендательная часть решения английского суда (примеч. переводчика).

Таким образом, даже если бы Европейский Суд должен был следовать строгому подходу общего права *stare decisis*⁴ в настоящем деле, он не был бы обязан следовать его принципу в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», если бы, как в настоящем деле, отсутствовали непреодолимые причины для ограничения.

В. ДОЛЖЕН ЛИ ПОДХОД В ДЕЛЕ «ИБРАГИМ И ДРУГИЕ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА» О ДВУХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ ИЛИ ТЕСТАХ В КАЖДОМ ДЕЛЕ БЫТЬ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ КАК БОЛЕЕ ОПРАВДАНЫЙ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКИ ПОДХОДЯЩИЙ ИЛИ ПРАВИЛЬНЫЙ, ЧЕМ ПОДХОД ДЕЛА «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ» ТОЛЬКО ОБ ОДНОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ИЛИ ТЕСТЕ

23. При всем надлежащем уважении ответ на вышеупомянутый вопрос, по моему мнению, должен быть отрицательным по причинам, которые будут разъяснены далее.

24. Если отсутствуют непреодолимые причины для ограничения, право лица защищать себя за счет юридической помощи по своему выбору, что является одним из минимальных прав в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции для каждого обвиняемого в преступлении, составляет серьезное нарушение указанного положения само по себе и противоречит верховенству права, что не требует дальнейшего рассмотрения. Такова была логика дела «Салдуз против Турции», и именно поэтому ситуацию при наличии непреодолимых причин для данного ограничения следует отличать от ситуации, где непреодолимые причины отсутствуют. С другой стороны, подход в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», требующий оценки общей справедливости даже в делах, где отсутствуют непреодолимые причины для ограничения, по существу не различает такие случаи от наличия непреодолимых причин.

25. Подход в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» при всем уважении не принимает во внимание, как следовало бы, тот факт, что заявителю не только было отказано в праве на адвоката, но также что власти государства-ответчика нарушили принцип верховенства права, один из наиболее значимых принципов Конвенции и демократического общества. Стремление Европейского Суда в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» найти способ отличать последствия ограничений при отсутствии и наличии непреодолимых причин, помимо установления нарушения в первом случае и перехода к оценке общей справедливости в последнем слу-

⁴ *Stare decisis* (лат.) – прецедентные права (примеч. переводчика).

чае, указывает на сложность отступления от подхода в деле «Салдуз против Турции», в конце концов, сводящую проблему от вопроса существования к вопросу доказывания.

26. Хотя право быть представленным адвокатом в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции является минимальным правом (а не просто относимым фактором или соображением), являясь имманентной частью или аспектом права на справедливое судебное разбирательство, которое является абсолютным правом (отличным от его аспекта, затрагивающего публичное оглашение решений) и, следовательно, не должно отягощаться подразумеваемыми оговорками или ограничениями, прецедентная практика, тем не менее, считает, что это не абсолютное право (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пуатримоль против Франции» (*Poitrimol v. France*) от 23 ноября 1993 г., § 34, Series A, № 277-A, и Постановление Европейского Суда по делу «Демебуков против Болгарии» (*Demebukov v. Bulgaria*) от 28 февраля 2008 г., жалоба № 68020/01, § 50).

27. Однако, и это правомерно, прецедентная практика рассматривает право на адвоката как «один из фундаментальных признаков справедливого судебного разбирательства». В деле «Пуатримоль против Франции» (упоминавшемся выше, § 34) Европейский Суд напоминает, что, «не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого на эффективную защиту адвоката, при необходимости назначенного, является одним из основных признаков справедливого судебного разбирательства». В Постановлении по делу «Пановиц против Кипра» (*Panovits v. Cyprus*) (от 11 декабря 2008 г., жалоба № 4268/04, §§ 65 и 66) Европейский Суд указал, что право на помощь адвоката должно быть доступным с начальных стадий разбирательства и являться вопросом особой важности при оценке таких факторов, как защита от самооговора.

28. Важность роли адвоката для защиты заявителя в уголовном деле подчеркивалась Европейским Судом в следующем фрагменте из Постановления по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*) (от 13 мая 1980 г., § 33, Series A, № 37), который воспроизводился во многих других делах (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Камасинский против Австрии» (*Kamasinski v. Austria*) от 19 декабря 1989 г., § 65, Series A, № 168, и Постановление Европейского Суда по делу «Лучанинова против Украины» (*Luchaninova v. Ukraine*) от 9 июня 2011 г., жалоба № 16347/02, § 63):

«Европейский Суд напоминает, что Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а практические и эффективные. Это особенно справедливо в отношении права на защиту, которое занимает важное место в демократическом обществе, как и само право на справедливое судебное разбирательство, из которого оно вытекает (см. Постановление

Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (*Airey v. Ireland*) (от 9 октября 1979 г., Series A, № 32, р. 12–13, § 24, и в § 32 настоящего Постановления). Как справедливо подчеркивали делегаты Комиссии, в подпункте “с” пункта 3 статьи 6 Конвенции говорится о “помощи”, а не о “назначении защитника”. Само назначение еще не обеспечивает эффективной помощи, поскольку назначенный адвокат может умереть, тяжело заболеть, в течение длительного периода быть лишенным возможности действовать или уклоняться от выполнения своих обязанностей. Власти, если они уведомлены о возникшем положении, должны либо его заменить, либо заставить выполнять его свои обязанности. Данное властями государства-ответчика ограничительное толкование этого подпункта ведет к результатам, которые не являются разумными и не соответствуют как смыслу подпункта “с” пункта 3, так и статьи 6 Конвенции в целом, ибо во многих случаях бесплатная юридическая помощь может оказаться бесполезной».

29. Кроме того, необходимость доступа к адвокату с начальной стадии предварительного расследования подчеркивалась бывшей Европейской комиссией по правам человека в деле «Кан против Австрии» (*Can v. Austria*) (доклад Комиссии от 12 июля 1984 г., жалоба № 9300/81, § 55), где также перечислялись задачи адвоката на этой предварительной стадии:

«Чтобы определить, требует ли подпункт “с” пункта 3 статьи 6 Конвенции, чтобы заключенный получил право на конфиденциальную консультацию со своим защитником на начальной стадии предварительного расследования, важно рассмотреть функции, которые защитник должен осуществлять на этой стадии разбирательства. Они включают не только подготовку самого судебного процесса, но и контроль за законностью любых мер, принимаемых в ходе следственного разбирательства, выявления и представления любых средств доказывания на ранней стадии, когда еще есть возможность проследить новые относимые факты и память свидетелей еще свежа, дополнительную помощь обвиняемому относительно любых претензий, которые он может желать выдвинуть относительно своего содержания под стражей, что касается оправданности, длительности и условий, и в целом помощь обвиняемому, который вследствие заключения под стражу вырван из обычного окружения».

В Постановлении по делу «А.Т. против Люксембурга» (*A.T. v. Luxembourg*) (от 9 апреля 2015 г., жалоба № 30460/13, § 64) Европейский Суд весьма кстати указал, что:

«Справедливость уголовного разбирательства в соответствии со статьей 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, подозреваемому предоставлялся доступ к юридической помощи с момента, когда он заключен под стражу в полиции или иначе, имеют ли место допросы или нет. Европейский Суд подчеркивает в этом отношении, что справедливость разбирательства требует, чтобы обвиняемый мог получить весь комплекс услуг, конкретно связанный с юридической помощью, отмечая, что обсуждение дела, организация защиты, сбор доказательств в пользу обвиняемого, подготовка

к допросу, поддержка обвиняемого при дистрессе и сдерживающих условиях содержания под стражей, являются фундаментальными аспектами защиты, которые адвокат должен быть способен свободно осуществлять...».

30. Важность того, чтобы обвиняемый пользовался помощью адвоката с первоначальных стадий расследования, также явно следует из процитированного выше фрагмента Постановления Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (§§ 66 и 68, см. § 4 настоящего Постановления).

31. Весьма хороший обзор по поводу важности права на юридическую помощь, цели юридической помощи и роли обвиняемого адвоката представлен доктором Стефаносом Ставросом в его работах: *The Guarantees for Accused Persons Under Article 6 of the European Convention on Human Rights – An Analysis of the Application of the Convention and a Comparison with Other Instruments*, Dordrecht / Boston / London, 1993 (*International Studies in Human Rights*, vol. 24). P. 201–202:

«Право на юридическую помощь является одним из важнейших прав, гарантированных в соответствии с положением о справедливом судебном разбирательстве рассматриваемых правозащитных инструментов. Цель юридической помощи, признаваемой Европейской комиссией в жалобах №№ 7572/76, 7586/76 и 7587 против ФРГ, заключается в обеспечении того, чтобы «обе стороны дела в действительности были заслушаны». Однако профессиональная помощь не только обеспечивает, что защита обвиняемого надлежащим образом подготовлена и представлена. Она также гарантирует соблюдение процессуальных прав последнего, которые могут подвергнуться угрозе случайно или даже умышленно. Роль адвоката обвиняемого как «сторожевого пса соблюдения процессуальных норм», признанная Комиссией по жалобам №№ 7572/76, 7586/76 и 7587/76, является неоценимой».

32. С учетом вышеизложенного следует сопротивляться отклонению или умалению существа права иметь доступ к помощи адвоката. Однако нежелательно, чтобы, как следует из вышеупомянутого анализа дел Большой Палаты Европейского Суда в хронологическом порядке, уровень защиты права на помощь адвоката неуклонно снижался.

33. Хотя подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции не различает непреодолимые причины и преодолимые причины ограничения права быть представленным адвокатом – и согласно латинской максиме *ubi lex non distinguit, nec nos distinguere debemus*¹ (7 Coke's Reports, 5), гарантии этого права должны применяться в каждом деле безусловно, как указал Европейский Суд в своем Постановлении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (упоминавшемся выше) – принцип, изложенный в Постановлении Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», в соответствии с которым оценка справедливости должна проводиться во всех делах независимо от того, были ли причины ограничения преодолимыми или нет, составляет серьезную оговорку или в действительности ограничение права, которое, хотя и не было абсолютным, «является одним из фундаментальных признаков справедливого судебного разбирательства». Как указывалось выше, эта оговорка является строгой, во-первых, потому что она игнорирует тот факт, что власти государства-ответчика могут нарушать принцип верховенства права, и, во-вторых, поскольку она возлагает на заявителя бремя доказывания того, что всё его дело не было справедливым, пренебрегая тем фактом, что он мог быть лишен своего права на помощь адвоката.

34. Также следует признать, что подход в деле «Салдуз против Турции», насколько он требует рассмотрения общей справедливости в делах, где имеются непреодолимые причины для ограничения, является оговоркой или ограничением права иметь адвоката, поскольку все эти вопросы с точки зрения строгого буквального соответствия подпункту «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции являются доступом к адвокату, без какого-либо исключения, «каким бы ни было оправдание», как Европейский Суд правомерно решил в своем Постановлении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (упоминавшемся выше в § 4). Действительно, ни одно положение статьи 6 Конвенции не требует сопоставления публичного интереса с частными интересами. В частности, отсутствует такая формулировка, как «необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка... в целях предотвращения беспорядков или преступлений... защиты прав и свобод других лиц», как это предусмотрено пунктом 2 статьи 8 Конвенции, а также пунктом 2 статьи 9 Конвенции, пунктом 2 статьи 10 Конвенции и пунктом 2 статьи 11 Конвенции в оправдание ограничения по любым основаниям права на помощь адвоката.

35. Однако один судья не может вернуться к подходу дела «Салдуз против Турции» и следовать Постановлению Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», которое является относительно старым делом. Только Большая Палата Европейского Суда могла сделать это. Вместе с тем это не только теоретические размышления. Они могли служить для объяснения и демонстрации того, что право быть представленным адвокатом не может быть предметом другой оговорки. В деле «Салдуз против Турции» Европейский Суд не указал, на ком лежит бремя доказывания общей справедливости или иного разбирательства при наличии непреодолимых причин для ограничения. Можно утверждать, что это именно заявитель, на которого возложено общее

¹ *Ubi lex non distinguit, nec nos distinguere debemus* (лат.) – если закон не различает, и мы не различаем (примеч. переводчика).

бремя доказывания его утверждений, но можно также полагать, что это могут быть власти государства-ответчика, которые лишили заявителя его права, независимо от наличия непреодолимых причин такого лишения. В случае лишения имущества, как во всех имущественных делах на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, требуется выплата справедливой компенсации. Понятию справедливости в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции противоречило бы, если бы на заявителя, который был лишен своего права на помощь адвоката по непреодолимым причинам, вместо какой-либо компенсации за такое лишение было возложено бремя доказывания того, что подобное разбирательство не было для него справедливым в целом.

36. Тест справедливости может быть логически применен только к определенным фактам, а не к предположениям и гипотезам. Любой иной подход при всем надлежащем уважении размывал бы право, гарантированное подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Поэтому подход, примененный в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», настаивающий на рассмотрении справедливости в каждом деле, даже если заявитель оставался без помощи адвоката на определенный срок без всяких непреодолимых причин, является при всем уважении сомнительным и несовместимым с объемом вышеизложенной нормы.

37. Понятие общей справедливости не должно означать справедливость в целом, но предполагает, что все составные части разбирательства должны быть справедливыми, начиная, как будет видно в дальнейшем, с задержания. Период от задержания обвиняемого до окончательного постановления Европейского Суда должен быть компактным с точки зрения защиты заявителя, как жизнь эмбриона. Подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции предоставляет обвиняемому право защищать себя с помощью адвоката на всех стадиях разбирательства с момента задержания, включая само задержание и, конечно, период содержания под стражей до допроса, который составляет часть разбирательства сам по себе. Если эта защита прекращается на какое-то время, право теряет жизнеспособность. Таким образом, три дня содержания под стражей в полиции, в течение которых заявитель был лишен своего права на адвоката, не должны рассматриваться просто как независимый момент или время или процедура, когда заявитель не имел доступа к помощи адвоката. За эти три дня многое могло случиться в отсутствие адвоката, но не могло бы быть доказано, и многие вещи могли случиться в присутствии адвоката, но не случились из-за отсутствия доступа к нему. Нельзя мириться с незаконностью отсутствия непреодолимых причин для ограничения путем принятия

теста общей справедливости, игнорирующего начальный этап разбирательства. Много правды и мудрости в латинской максиме *quod ab initio non valet, in tractu temporis non convalescet* (то, что плохо сначала, не улучшится со временем) (см.: *Coke. On Littleton*, 35(a)), и представляется, что это применимо в настоящем деле. Важность «начала» также отражается в латинских максимах *quod non habet principium non habet finem* (что не имеет начала, не имеет конца) (см.: *Coke. On Littleton*, 345(a)) и *cujusque rei potissima pars principium est* (главная часть – это первая часть) (см.: 10 *Coke's Reports*, 49). Также могут иметь значение латинские максимы *parte quacunquе integrante sublata tollitur totum* (когда удаляется неотъемлемая часть, исчезает целое) (см.: 9 *Coke's Reports*, 41) и *sublato fundamento cadit opus* (при удалении основания рушится строение) (см.: *Jenkins. Centuries or Reports*, 106). Мудрость также усматривается еще в одной латинской максиме, которая может быть применима в настоящем деле, *quae mala sunt inchoata in principio vix bono peraguntur exitu* (то, что плохо сначала, редко кончается хорошо) (см.: 4 *Coke's Reports* 2).

38. Как упоминалось выше, понятие «справедливость» связано с верховенством права, которое присуще конвенционной системе, а также связано с позитивным обязательством властей государства-ответчика обеспечивать право заявителя не быть лишенным доступа к адвокату в отсутствие непреодолимых причин, обязательством, которое следует из верховенства права и статьи 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Идея справедливости и верховенства права должна охватывать все стадии, на которых применимы гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции, и применяться в них. В § 121 настоящего Постановления правильно указано, что дата задержания заявителя является «исходным пунктом применения гарантий, изложенных в статье 6 Конвенции». Иными словами, именно задержание дает начало защите права на юридическую помощь. Иначе это право не будет иметь практического и эффективного значения, если задержанное и заключенное под стражу лицо не имеет адвоката. Если бы решающим моментом начала осуществления права на помощь адвоката были бы не время задержания, а какой-то последующий период, скажем, время предъявления обвинения или проведения формального допроса, не имелось бы необходимости в существовании уголовно-процессуальных норм, регулирующих задержание, и полиция могла бы поступать как угодно, не считаясь с положениями статей 3 и 5 Конвенции. Следовательно, невозможно отделить понятия «справедливость» и «верховенство права» от требования об ограничении права по уважительным причинам или применять принцип справедливости с любого пункта, отличного от возникновения гарантий права без опустошающего влияния на дело.

39. Поскольку гарантии, изложенные в статье 6 Конвенции, применяются с момента задержания заявителя, очевидно, что его право на презумпцию невиновности также возникает с этого времени, и, таким образом, для заявителя было императивом иметь адвоката и обеспечивать свою презумпцию невиновности путем консультаций с ним и определения своей линии защиты совместно с ним.

40. Уголовно-процессуальные нормы применяются к подозреваемому с момента его задержания. Заявитель, который не пользовался помощью адвоката целых три дня, был лишен возможности оспорить законность своего содержания под стражей, как это предусмотрено пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Данный аспект был также затронут «Ассоциацией по предотвращению пыток», выступавшей в настоящем деле в качестве третьей стороны: «Юридическая помощь также помогает гарантировать осуществление иных фундаментальных прав обвиняемого, таких, которые предусмотрены пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции» (см. § 106 настоящего Постановления).

41. Необходимость помощи адвоката сразу после задержания может быть также понята с учетом того факта, что стадия надлежащей подготовки дела является крайне важной для его успешного рассмотрения. Подпункт «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции включает предоставление достаточного времени и возможности для подготовки в качестве одного из минимальных прав для любого обвиняемого в совершении преступления. Никто не может быть уверен в том, что без помощи адвоката в первые три дня его содержания под стражей заявитель мог бы надлежащим образом подготовиться к судебному разбирательству на поздней стадии. Эти три дня могли иметь решающее значение для будущего хода его защиты, если бы он привлек к делу адвоката немедленно после своего задержания.

42. Если отсутствие непреодолимых причин для ограничения данного права само по себе не является нарушением, это позволит властям неоправданно ограничить право и содержать подозреваемых под стражей в течение неопределенного срока в отсутствие адвоката.

43. Принцип эффективности, присущий конвенционной системе и лежащий в основе каждого ее положения, требует, чтобы гарантии подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции должны быть практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Как упоминалось выше, в деле «Салдуз против Турции» Европейский Суд сослался на это проявление принципа эффективности, если можно его так описать. Гарантии данного положения не были бы практическими и эффективными, если, несмотря на непреодолимые причины для ограничения, Европейский Суд, тем не менее, приступил бы к рассмотрению общей справедливости

разбирательства. Эффективность подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, как и любого другого положения Конвенции, обеспечивается добросовестным учетом его объекта и цели. Как разъяснила по существу Комиссия международного права в своем докладе 1966 года (Yearbook of the International Law Commission [YILC], 1966, v. II, p. 219, § 6):

«...Если договор допускает два толкования, одно из которых позволяет, а другое не позволяет договору иметь соответствующие последствия, добросовестность, объекты и цели договора требуют принятия первого толкования».

44. По моему мнению, добросовестность, объекты и цели подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции требуют, чтобы любые ограничения данного права не были неоправданными. В этой связи следует также упомянуть весьма важные слова профессора Рудольфа Бернхардта, бывшего Председателя Европейского Суда, в его статье, озаглавленной «Развивающееся толкование договора, особенно Европейской конвенции о защите прав человека» («Evolutive Treaty, Especially of the European Convention on Human Rights») (German Yearbook of International Law, т. 42 (1999), 11, p. 14):

«Эти статьи [31 и 32] Венской конвенции [о праве международных договоров] замечательны в нескольких отношениях. Во-первых, один принцип толкования договоров, который часто указывался в прежних пособиях, даже не упомянут. А именно принцип того, что договоры должны толковаться ограничительно и в пользу государственного суверенитета, более снисходительно в случае сомнений. Данный принцип более не является относимым, он не упоминается в Венской конвенции, а также в недавней практике международных судов и трибуналов. Договорные обязательства в случае сомнений и в принципе не должны толковаться в пользу государственного суверенитета. Очевидно, что это заключение может иметь значительные последствия для конвенций о правах человека. Любая эффективная защита индивидуальных свобод ограничивает государственный суверенитет, и не государственный суверенитет в случае сомнений пользуется приоритетом. Напротив, объект и цель правозащитных договоров часто могут влечь более широкое толкование индивидуальных прав, с одной стороны, и ограничений деятельности государства, с другой».

45. Поэтому даже если в порядке гипотезы при наличии двух одинаково действительных или доказуемых толкований подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции было бы предпочтительно то, которое благоприятствует существу права («в случае сомнения в пользу свободы» (*in dubio in favorem pro libertate*)) и в то же время не ограничивает его пределы и применение. Любое ограничительное толкование принципа эффективности не является частью международного права (см.: *Hersch Lauterpacht. Restrictive Interpretation and Effectiveness in the Interpretation of Treaties // BYIL (1945), 48, p. 50–51, 69; Alexander Orakhelashvili. The*

Interpretation of Acts and Rules in Public International Law, Oxford, 2008, repr. 2013. P. 414). В настоящем деле, если применять принцип дела «Салдуз против Турции» в его надлежащем значении, имело бы место нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции само по себе, поскольку отсутствовали непреодолимые причины для ограничения. Это толкование способствовало бы сохранению существа права заявителя. С другой стороны, если следовать подходу Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» с его неправильным прочтением в деле «Салдуз против Турции», существо права заявителя не сохраняется, поскольку отсутствие непреодолимых причин для ограничения не влечет нарушение само по себе, и будет сделан вывод об отсутствии нарушения, как в действительности и произошло.

46. Следует отметить, что в любом случае было бы несправедливо применить принцип, установленный в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», в старом длящемся деле, таком как настоящее, в котором рассматриваемый принцип в любое время, кроме вынесения Постановления, являлся принципом из дела «Салдуз против Турции», полагая также при всем уважении, что Европейскому Суду следует признать, что понимание дела «Салдуз против Турции» в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» было ошибочным и что она имела возможность его пересмотреть.

47. В Постановлении принцип эффективности был правильно использован и применен, что касается отказа от права заявителя на адвоката:

«Однако для того, чтобы такой отказ имел силу с точки зрения Конвенции, он должен быть недвусмысленно установлен и должен сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми с его значением» (см. § 115 настоящего Постановления).

Чтобы быть последовательным на всем протяжении Постановления, принцип эффективности должен также применяться при установлении нарушения с учетом того, что отсутствовали непреодолимые причины для ограничения права на помощь адвоката, как Европейский Суд ясно указал в деле «Салдуз против Турции».

48. Человеческое достоинство стоит почти за всяким конвенционным правом, и Европейский Суд должен принимать это во внимание при толковании конвенционных положений (см.: *David Feldman. Human Dignity as a Legal Value. Part II, Public Law, Spring 2000. P. 75*). С учетом человеческого достоинства при толковании подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции лишение права заявителя на три дня без непреодолимых причин должно рассматриваться как грубое нарушение данного положения.

49. Постановление Палаты Европейского Суда в настоящем деле было вынесено до объявления 13 сентября 2016 г. Постановления по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». Ходатайство о передаче настоящего дела в Большую Палату и письменные объяснения всех сторон, включая третью сторону, были представлены до разрешения дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». Кроме того, устное слушание в Большой Палате Европейского Суда в настоящем деле 6 июля 2016 г. имело место до вынесения Постановления по делу Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». Как уже разъяснялось, на основе дела «Салдуз против Турции» заявитель мог бы выиграть дело, что касается его жалоб о нарушении пункта 1 статьи 6 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, тогда как большинство судей решили на основании Постановления Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» отклонить его жалобы со ссылкой на эти положения. Конечно, Европейский Суд обычно применяет недавнюю прецедентную практику, которая применима во время вынесения постановления. Однако при всем уважении в настоящем деле следующие соображения делают применение этой нормы или практики несправедливым по отношению к заявителю: (а) возможное нарушение при следовании подходу в деле «Салдуз против Турции» в его надлежащем толковании, может быть, было допущено в связи с задержкой рассмотрения дела и постепенно превращено большинством судей после подхода в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» в вывод об отсутствии нарушения без учета принципа правовой неопределенности; (б) толкование дела «Салдуз против Турции» способом, неблагоприятным для заявителя, поддержанное большинством судей в свете Постановления по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», тогда как все стороны не имеют возможности комментировать Постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» или даже требовать возвращения к надлежащему толкованию дела «Салдуз против Турции» осуществлением их права, предусмотренного статьей 6 Конвенции; (с) рассмотрение всего вышесказанного по поводу *contre-texte* или *per incuriam* толкования дела «Салдуз против Турции» в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства».

50. По аналогии с вышеизложенным аргументом, который основан на принципе правовой неопределенности, пункт 1 статьи 7 Конвенции, который предусматривает, что «никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным

преступлением» (курсив мой. – Г.А.С.) и что «[н]е может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления» (курсив мой. – Г.А.С.), также основан на этом принципе определенности и является одним из фундаментальных положений Конвенции. Следует отметить, что зависимость результата дела, затрагивающего уголовное обвинение, которое впоследствии повлекло осуждение заявителя к пожизненному лишению свободы, от того, имелось ли изменение в прецедентной практике, в связи с чем вероятное нарушение превратилось в вывод об отсутствии нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, может не иметь в окончательном анализе весьма различные последствия по отношению к тем, что запрещены статьей 7 Конвенции.

51. В Преамбуле к Конвенции указано, что целью Совета Европы является «достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели являются защита и развитие прав человека и основных свобод». Это соображение воплощает требуемый динамизм и культивирует идею продвижения прав человека. Любое понижение уровня защиты прав человека или любое отступление вида, характеризуемого как «регресс» (см.: *Christian Djefal. Static and Evolutive Treaty Interpretation – A Functional Reconstruction*, Cambridge, 2016. P. 309), не только является нежелательным, но и, я полагаю, выходит за пределы действия Конвенции. Судья Оливер Уэнделл Холмс (*Oliver Wendell Holmes*) мудро заявил, что «величие – это не где мы стоим, а в каком направлении мы движемся». То же относится к будущему прав человека. Я полагаю, что конвенционный корабль должен плыть вперед, а не назад и что каждый раз, когда дело поступает в Европейский Суд, особенно в Большую Палату, как, например, настоящее дело, начинается новое плавание корабля Конвенции, и компас всегда должен эффективно направлять его к обещанному месту назначению.

**С. ПРИВОДИТ ЛИ ОЦЕНКА ОБЩЕЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ ДАЖЕ ПРИ СЛЕДОВАНИИ
ПОДХОДУ В ДЕЛЕ «ИБРАГИМ И ДРУГИЕ
ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»
К ВЫВОДУ О НАРУШЕНИИ ПОДПУНКТА «С»
ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ**

52. Палата и большинство судей Большой Палаты Европейского Суда в данном деле дали отрицательный ответ на вопрос о том, повлекла ли оценка общей справедливости нарушение вышеупомянутого положения Конвенции.

53. В Постановлении по настоящему делу («Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Bulgaria*) от 20 октября 2015 г., жалоба № 21980/04,

§ 116) Палата Европейского Суда единогласно заключила следующее:

«Соответственно, Европейский Суд считает, что тот факт, что заявитель не пользовался помощью адвоката в течение первых трех дней его содержания под стражей в полиции, не умаляет его право эффективно защищать себя в рамках уголовного разбирательства. Его право не свидетельствовать против самого себя соблюдалось, и справедливость уголовного разбирательства обеспечивалась надлежащим образом. Таким образом, по делу требования подпункта “с” пункта 3 статьи 6 во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были».

54. Большинство судей в настоящем деле пришли к следующему выводу (см. § 144 настоящего Постановления):

«С учетом вышеизложенных выводов Европейский Суд считает, что власти Болгарии представили соответствующие и достаточные доказательства для подтверждения того, что общая справедливость уголовного разбирательства против заявителя не была невосполнимо умалена отсутствием юридической помощи во время содержания под стражей в полиции с 3 по 6 октября 1999 г.».

55. При всем уважении ответ на вышеизложенный вопрос должен быть, по моему мнению, утвердительным.

56. Материальные и процессуальные права заявителя не могут считаться соблюдаемыми, если он не имел доступа к адвокату в течение трех решающих дней, как будет разъяснено позднее.

57. Я хотел бы прежде всего подчеркнуть, что общая справедливость судебного процесса не зависит от его результата. Иначе мы приходим к неприемлемому заключению в том, что нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует в любом деле, в котором заявитель оправдан, даже если он был лишен права на помощь адвоката во время всего предварительного и судебного разбирательства. В таком гипотетическом случае факт того, что орган преследования не мог эффективно исполнить бремя доказывания и заявитель был оправдан, не означает, что гарантии, на которые заявитель имел право в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, были предоставлены.

58. Задача Европейского Суда заключается в том, чтобы рассматривать вопрос в соответствии с представленными фактами, а не пересказывать факты подобно тому, как делает писатель в целях улучшения своего рассказа. Об этой задаче Европейского Суда см. следующие латинские правовые максимы: *judicis est judicare, secundum allegata et probata* (обязанность судьи решать в соответствии с представленными и доказанными фактами) (*Dyer's Reports*, 12); *judex debet judicare secundum allegata et probate* (судья должен решать в соответствии с заявлениями сторон и доказательствами) (*2 Bouvier's Law Dictionary*, 133), *nihil habet forum ex scena* (суд ничего не может сделать с тем,

что ему не представлено) (2 Buvier's Law Dictionary, 141).

В настоящем деле Европейский Суд не мог строить предположения о том, каким бы был результат судебного процесса, если бы заявитель имел доступ к помощи адвоката в течение первых трех дней его содержания под стражей в полиции, поскольку это (а) было невозможно, (б) не относилось к его функции и (с) являлось бы абстрактным отрицанием или умалением роли каждого адвоката. То, что предсказания подобного рода не относятся к функции Европейского Суда, не может быть выражено яснее, чем в деле «Салдуз против Турции» (упоминавшемся выше, § 58): «Европейскому Суду не следует строить предположения о том влиянии, которое доступ заявителя к адвокату во время содержания под стражей мог оказать на последующее разбирательство». В Постановлении по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (упоминавшемся выше, § 68) Европейский Суд также указал: «Европейский Суд не должен строить предположения относительно реакции заявителя или консультации его адвоката, если бы ему не было отказано в доступе в течение этого начального периода».

59. По моему мнению, подобные предсказания не уподобляются неизвестной переменной x в простом математическом примере, в конце которого переменная x может быть определена или подтверждена. Однако в настоящем деле неизвестная «переменная x » не может быть выявлена или подтверждена, поэтому ее неизвестное следствие само по себе должно иметь определенное негативное воздействие на оценку общей справедливости судебного процесса.

60. Каждая дополнительная минута содержания под стражей после момента задержания делает такой *ex post facto* прогноз или догадку не только более неопределенными, но в итоге полностью невозможными. Считаю уместным отметить убедительные аргументы, выдвинутые заявителем в §§ 72–73 его объяснений:

«72. Может так случиться, что помощь адвоката в течение первых трех дней допроса не повлечет оправдания заявителя. Однако в этом нельзя быть уверенным, поскольку заявитель мог получить информацию, которая могла затронуть проведение следствия или подход, принятый в судебном разбирательстве, которая могла повлиять на оценку доказательств.

73. Заявитель не предполагает, что это обязательно случилось бы, поскольку он не больше, чем Европейский Суд, мог предсказать, чтобы случилось, если бы он пользовался помощью адвоката, о которой он неоднократно ходатайствовал и которую он уже готовился получить, в первые три дня его содержания под стражей».

61. В сноске, относящейся к § 73 объяснений заявителя, делается ссылка на § 29 объяснений, где указывалось:

«Когда допрос заявителя начался вечером 3 октября, заявитель просил полковника Х., который был назначен для производства следственных действий по его делу, разрешить связаться с поименованным адвокатом, работавшим в порядке частной практики. Этим адвокатом был Виктор Михайлов, который согласился защищать заявителя в прошлом июле по просьбе его отца. Заявитель сообщил полковнику Х. имя и номер телефона Михайлова, но ему в ответ сказали только то, что он смотрел слишком много кинофильмов и что здесь не Америка».

62. В параграфе 75 своих объяснений заявитель правильно отмечает в этой связи, что «...опасно связывать вопрос о том, имело ли место нарушение права на помощь адвоката во время первых допросов, с последующим проведением разбирательства, поскольку это способствует пренебрежению правом на помощь адвоката на этой стадии». И он уместно добавляет: «Явившийся следствием этого риск имеет импликации не только для исхода уголовного разбирательства, но и для эффективной защиты права не подвергаться пытке и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению».

63. В Постановлении (см. §§ 119 и 127–128, первый параграф которого также ссылается на упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 272–273) правильно подчеркивается важность права быть информированным о праве на юридическую помощь. Как справедливо указывалось в § 127 настоящего Постановления:

«...В результате заявитель не был объективно информирован о его процессуальных правах до наступления даты предъявления ему обвинения, то есть до 6 октября 1999 г.».

64. Уклонение внутригосударственных властей от протоколирования первых трех дней содержания заявителя под стражей, с 3 по 6 октября 1999 г., и доказывания того, что, по их словам, они действительно информировали его о праве на адвоката по его выбору, негативно влияет на тест справедливости. Это происходит в связи с тем, что власти имели позитивное обязательство вести такие протоколы. Как указывалось выше, данное обязательство вытекает из принципа верховенства права и требований статьи 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. В Постановлении по делу «Пановиц против Кипра» (упоминавшемся выше, §§ 72–73) Европейский Суд указал в данном отношении следующее:

«...Пассивный подход, принятый властями, при нынешних обстоятельствах был явно недостаточным для исполнения их позитивного обязательства предоставить заявителю необходимую информацию, обеспечивающую ему доступ к юридическому представительству.

73. Соответственно, Европейский Суд считает, что отсутствие достаточной информации о праве заявителя на консультацию с адвокатом до его допро-

са полицией, особенно тот факт, что в то время он был несовершеннолетним и не пользовался поддержкой своего опекуна во время допроса, являлся нарушением права заявителя на защиту».

65. Ясно, что вышеизложенное применимо не только к несовершеннолетним, но особенно к ним, поэтому оно применимо и к заявителю в настоящем деле.

66. Заявитель настаивал на том, что он не был информирован о своем праве. Поскольку обязанность доказывания возлагалась на власти государства-ответчика, которые должны были вести записи, версия заявителя представляется более аргументированной, чем версия властей Болгарии. Следовательно, уклонение внутригосударственных властей от информирования заявителя о его праве на адвоката по его выбору означает, что тест справедливости был провален с самого начала. По аналогии отсутствие записей о содержании под стражей рассматривается как влекущее полное отрицание фундаментально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции и обеспечивающих право на свободу и безопасность. Оно раскрывает серьезные нарушения этого положения и несовместимо с требованием законности и с самой целью статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Федотов против Российской Федерации» (*Fedotov v. Russia*) от 25 октября 2005 г., жалоба № 5140/02¹, § 78, Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против Российской Федерации» (*Menesheva v. Russia*), жалоба № 59261/00², § 87, *ECHR* 2006-III, Постановление Европейского Суда по делу «Смолик против Украины» (*Smolik v. Ukraine*) от 19 января 2012 г., жалоба № 11778/05, § 45, Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (*Kurt v. Turkey*) от 25 мая 1998 г., § 125, *Reports* 1998-III). Следовательно, отсутствие надлежащего протокола задержания и заключения под стражу лица достаточно для того, чтобы Европейский Суд заключил, имело ли место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ангуэлова против Болгарии» (*Anguelova v. Bulgaria*), жалоба № 38361/97, § 157, *ECHR* 2002-IV, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против Российской Федерации», §§ 87–89). Если эта формальность ведения официального протокола незаменима для гарантирования неабсолютного права, такого как право, предусмотренное пунктом 1 статьи 5 Конвенции, можно только удивляться, почему эта формальность не является тем более незаменимой для гарантирования абсолютного права, а именно права на справедливое судеб-

ное разбирательство в соответствии со статьей 6 Конвенции.

67. Если власти не ведут записи, свидетельствующие о том, что они информировали обвиняемого о его праве на юридическую помощь, если они не подлежат ответственности за уклонение от этого, они должны доказать с помощью иных способов, в соответствии со стандартом доказывания «вне всякого разумного сомнения», что они представили эту информацию, но такие доказательства в настоящем деле не были представлены.

68. Тот факт, что заявитель не имел доступа к помощи адвоката в течение трех дней, хотя он предположительно просил об этом, является процессуальным недостатком. Власти Болгарии отрицали, что заявитель просил о доступе к адвокату. Постановление правомерно поддерживает точку зрения о том, что заявитель не отказался от своего права, и я абсолютно согласен с данным выводом. Но я бы сделал еще один шаг и установил, что, поскольку власти государства-ответчика не вели записи, несмотря на позитивное обязательство по этому поводу, версия заявителя не должна игнорироваться, учитывая тот факт, что он не пользовался помощью адвоката в течение первых трех дней своего содержания под стражей.

69. Иными словами, можно ли полагать, что власти Болгарии исполнили свое строгое бремя доказывания того, что судебное разбирательство в целом было справедливым, если они не выполнили свое позитивное обязательство информировать заявителя о его праве иметь адвоката по своему выбору и не представили записи в поддержку их утверждения о том, что они сообщали эту информацию?

70. Заявитель утверждал, что в течение трех дней, когда он не имел доступа к адвокату, он был допрошен. Власти государства-ответчика отвергли это утверждение. Не следует забывать, что заявитель находился в уязвимом положении. От него нельзя было ожидать наличия возможности представить какие-либо доказательства, кроме своих слов, и что в течение первых трех дней его содержания под стражей он (а) просил предоставить ему доступ к адвокату и не получил этого доступа, (б) был информирован о его праве иметь адвоката по своему выбору и (с) был допрошен. Только власти государства-ответчика, в чьих руках находились все применимые механизмы и доказательства, могли опровергнуть утверждения заявителя и доказать противоположное. Как Европейский Суд указал в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) (жалоба № 23380/09³, § 83, *ECHR* 2015), также сославшись на свою последовательную прецедентную практику по этому вопросу:

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 3 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2011. № 6 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

«Если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей. В этом случае на властях лежит бремя доказывания с целью представить достаточное и убедительное объяснение путем предъявления доказательств, подтверждающих факты, ставящие под сомнение описание событий, данное потерпевшим (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салман против Турции”, § 100, Постановление Европейского Суда по делу “Ривас против Франции” (Rivas v. France) от 1 апреля 2004 г., жалоба № 59584/00, § 38, а также среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу “Туран Чакыр против Бельгии” (Turan Çakır v. Belgium) от 10 марта 2009 г., жалоба № 44256/06, § 54, Постановление Европейского Суда по делу “Мете и другие против Турции” (Mete and Others v. Turkey) от 4 октября 2012 г., жалоба № 294/08, § 112, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Гефген против Германии”, § 92, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Эль-Масри против Македонии”, § 152). В отсутствие такого объяснения Европейский Суд вправе сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для властей (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Эль-Масри против Македонии”, § 152). Это оправдывается тем фактом, что задержанные лица находятся в уязвимом положении и власти обязаны защищать их (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салман против Турции”, § 99)».

71. То, что изложено в вышеупомянутом высказывании относительно утверждений о жестоком обращении, нарушающем статью 3 Конвенции, может логично применяться ко всем случаям, когда заявитель содержится под стражей и ссылается на нарушение одного из положений Конвенции, как заявитель в настоящем деле, который ссылался на нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, и если данные события полностью или в большей части относятся к исключительному ведению властей, которые, тем не менее, воздерживаются от фиксации происходящего и поэтому не могут опровергнуть утверждения заявителя.

72. Как уже сказано, возникновение права на защиту, предоставленную гарантиями подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, начинается с момента задержания. Три дня, в течение которых заявитель не имел доступа к адвокату, лишили его юридической помощи, предусмотренной подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, на значительный срок, который требовался для подготовки его защиты. Подготовка защиты от первоначального момента задержания крайне важна для определения линии защиты и ее будущего курса и осуществления.

73. Поскольку власти Болгарии нарушили свое обязательство хранить запись, информирующую заявителя о его праве на адвоката, как от них можно было ожидать хранения записи о том, допрашивали ли они заявителя, поскольку можно было ожидать того же отсутствия старательности в этом вопросе? Важнее всего, что крайне невероятно, что полиция, расследовавшая дело об убийстве и разбойном нападении, задержала заявителя в качестве подозреваемого и не начала задавать ему хотя бы один вопрос в течение первых трех дней после его задержания и вместо этого проявляла полную апатию, тогда как до задержания заявителя, как утверждали власти Болгарии в § 6 их объяснений, они провели множество допросов и систематически собирали доказательства:

«...в период со 2 июля по 3 октября 1999 г., когда заявитель был задержан, власти провели ряд следственных действий. Они допросили сообщника заявителя, свидетелей, друзей подозреваемых и всех, кто мог иметь хоть какое-то отношение к событиям. Доказательный материал собирался систематически...».

74. Кроме того, власти Болгарии утверждали в § 11 их объяснений, что заявитель прошел два медицинских осмотра у двух разных врачей 5 октября 1999 г. и был подвергнут личному обыску в тот же день, что указывает на то, что было крайне невероятно, что в отношении заявителя и других свидетелей могли проводиться какие-либо другие действия, кроме допросов о разбойном нападении и двух убийствах.

75. Версия, представленная в объяснениях властей Болгарии по соответствующему вопросу, отличается неясностью. Ниже приводятся некоторые примеры: «Не обнаружено информации относительно того, когда заявитель поступил в изолятор г. Софии и убыл из него» (в § 10 объяснений) и «в материалах дела отсутствуют данные о том, что заявитель был допрошен полицией или следователем в период с 3 по 6 октября 1999 г., до 12.10...» (в § 13 объяснений). Государство, регулируемое верховенством права, должно знать, когда задержанный поступил и убыл из изоляторов, и обязано иметь возможность доказать, что случилось в течение этих трех дней, а не просто ссылаться на отсутствие каких-либо следов допроса лица в материалах дела.

76. Анализ, представленный ранее, позволяет предположить, что версия заявителя о его допросе является более приемлемой или, если быть более точным, версия властей государства-ответчика вообще не является приемлемой. Власти Болгарии утверждали в § 7 своих объяснений, что в период со 2 июля по 3 октября 1999 г. заявитель «находился на свободе и скрывался» и что «он был объявлен в розыск». Поэтому кажется невероятным и нелогичным, что он не подвергся какому-либо допросу сразу после его задержания. Заявитель утверждал

(см. § 64 его объяснений), что полковник Х. был назначен для принятия следственных мер в его деле 3 октября 1999 г. Он также отметил (см. § 64 его объяснений), что подход, принятый властями, «не кажется согласующимся с обычной полицейской практикой или с обязательствами, возникающими в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, для обеспечения того, что имеется разумное подозрение, оправдывающее длительное лишение свободы после задержания лица». Он добавил (см. § 65 его объяснений), что «предположение о том, что не проводилось какого-либо допроса в течение трех дней после задержания заявителя, не отражает общей внутрисударственной практики, которая задокументирована в постановлениях Верховного суда Болгарии, в докладах ЕКПП и других документах, где допрос без адвоката подозреваемого после его задержания рассматривался как частое явление». Он также утверждал (см. § 66 его объяснений), что «[т]от факт, что в материалах дела отсутствовала документация допросов, больше согласуется с оказанием давления на подозреваемого с целью склонения к признанию, которое, как утверждает заявитель, имело место в его случае, чем с отсутствием допросов». И он заключает по этому поводу (см. § 67 его объяснений):

«При таких обстоятельствах утверждение заявителя о том, что он был допрошен полковником Х. 3 октября 1999 г. и другими следователями 4 и 5 октября, должно рассматриваться как обоснованное в отсутствие любых других убедительных объяснений уклонения от его допроса в течение первых трех дней содержания под стражей».

77. Одними из вопросов, поставленных Европейским Судом перед сторонами (вопрос 5), были следующие:

«Был ли заявитель допрошен полицией и следственными органами в период с 3 по 6 октября 1999 г.? Если да, то когда? Хранил ли он молчание или сделал какие-то заявления? Каким было его содержание? Властям Болгарии предлагается представить копию любого полицейского или следственного дела».

78. Ответ заявителя на вышеупомянутые вопросы дан в §§ 39–43 его объяснений и весьма важен для оценки общей справедливости разбирательства, если то, что он утверждает, соответствует действительности:

«Вопрос 5. Допрос 3–6 октября 1999 г.

39. Как уже было указано в ответе на третий вопрос, допрос заявителя начался вечером 3 октября 1999 г. и продолжался в последующие дни.

40. Во время допроса полковником Х. заявителю было сказано, что никто не знает, где он находится, и что у него нет другого выхода, кроме как признаться. Действительно, именно в таком положении он оказался, поскольку ему не было разрешено связаться со своими родственниками или адвокатом, которого он хотел привлечь для оказания ему помощи. Кроме того, родители были уведомлены о его задержании только через три дня,

когда они узнали, что он содержится в следственном изоляторе г. Бургас.

41. Во время допросов в этот период заявитель дал объяснения в ответ на некоторые вопросы, поставленные перед ним в связи с предполагаемыми преступлениями. В частности, он признался, что участвовал в разбойном нападении вместе со своим сообщником, но отрицал, что совершил убийства.

42. Как уже отмечалось, заявитель не был информирован о его правах, включая право на контакт с адвокатом по его выбору.

43. Письменный протокол допроса в период 3–6 октября 1999 г. не был предоставлен заявителю, и он не подписывал документы в связи с этим допросом. Кроме того, заявитель не знал, имелись ли в полицейском деле документы и другие (видео- или аудио-) материалы, но он полагает, что наиболее вероятно, что следователь по делу из Бургасской районной следственной службы мог ознакомиться с его признанием, поскольку он сказал ему, что, если он не даст объяснения, он использует его признание, сделанное в г. Софии. Кроме того, его осведомленность по поводу того, что он говорил в г. Софии, была очевидна из тех вопросов, которые он задавал».

79. Ответ властей Болгарии на тот же вопрос, состоящий в простом опровержении, и отрицание осведомленности, содержатся на странице 10 их объяснений:

«Вопрос № 5. На основании документов, содержащихся в полицейском и уголовном делах, власти Болгарии утверждают, что заявитель впервые был допрошен 6 октября 1999 г., в 12.10, в присутствии защитника. Его утверждения о том, что его допрашивали ранее, не подтверждены ни одним документом. Такие документы разыскивались в Министерстве внутренних дел и не были обнаружены. Материалы уголовного разбирательства не содержат документов, относящихся к такому допросу и показаниям, данным в этот период.

Документы, относящиеся к содержанию под стражей в полиции, приводятся в качестве Приложений №№ 1 и 2. Материалы предварительного уголовного разбирательства указаны в Приложении № 4».

80. В Постановлении Палаты (упоминавшемся выше, § 9) содержится ясное объяснение заявителя о том, что он был допрошен в течение первых трех дней его содержания под стражей:

«Заявитель пояснил, что, несмотря на его прямые требования, он не пользовался помощью адвоката в течение первых трех дней его содержания под стражей. В это время должностные лица, ответственные за расследование, допросили его относительно разбойного нападения и двух убийств, совершенных в г. Бургас 2 июля 1999 г.».

81. В §§ 103 и 134 Постановления Большой Палаты Европейского Суда указано следующее: власти Болгарии утверждали на устном слушании, что не имеется данных в поддержку версии заявителя о том, что он был допрошен в период содержания под стражей до предъявления ему обвине-

ния. Также сделана ссылка на версию, выдвинутую властями Болгарии: «даже если предположить, что такая беседа или допрос имели место в период содержания заявителя под стражей, они проводились неформально и не могли иметь влияние на ход уголовного разбирательства» (см. § 103 настоящего Постановления).

82. Устный довод властей Болгарии относительно того, был ли допрошен заявитель, можно найти в вебкасте слушания, доступном на интернет-портале Европейского Суда, и он состоит в следующем:

«Однако при этом власти Болгарии утверждают, что права заявителя в соответствии со статьей 6 Конвенции не были нарушены по нижеследующим причинам.

Во-первых, мы настаиваем на том, что судья по документам, имеющимся в нашем распоряжении, и объяснениям заявителя, Симеонов не был формально допрошен в течение первых трех дней его содержания под стражей...

Даже если предположить, что какой-то допрос имел место, он был только устным, неформальным и не имел значения для уголовного разбирательства против заявителя...

Наш второй довод заключается в том, что отсутствие адвоката в течение данного периода не повлекло произвольных ограничений процессуальных прав заявителя. Власти Болгарии утверждают, что, даже если предположить, что какой-то допрос имел место, как заявляет Симеонов, он был только устным, неформальным и абсолютно не имел значения для уголовного разбирательства...

Господин Председатель, возможно, что беседа или даже допрос имели место с участием заявителя и полицейских или следователя в г. Софии. Однако такой допрос не подтверждается объективно в какой-либо форме».

83. Из последнего высказывания ясно, что власти Болгарии впоследствии признали, что заявитель был допрошен, однако это существенное признание опущено в настоящем Постановлении.

84. Довод адвоката властей Болгарии о том, что «допрос не подтверждается объективно в какой-либо форме», совершенно не имеет значения и противоречит прецедентной практике Европейского Суда. В деле «Титаренко против Украины» (Titarenko v. Ukraine) (Постановление от 20 сентября 2012 г., жалоба № 31720/02, § 87) Европейский Суд отметил следующее:

«Европейский Суд полагает, что любая беседа между подозреваемым, находящимся под стражей, и полицией должна рассматриваться как формальный контакт и не может квалифицироваться как «неформальный допрос»».

85. Все вышеизложенное не зависит от того, утверждают ли власти, что не использовали информацию, полученную за счет того, что они считали «неформальным допросом». В Постановлении Европейского Суда по делу «Мартин против Эстонии» (Martin v. Estonia) (от 30 мая 2013 г.,

жалоба № 35985/09, §§ 95–97) Европейский Суд указал:

«95. Европейский Суд учитывает в этом контексте, что, несмотря на исключение показаний, данных заявителем на предварительном следствии, Апелляционный суд полагает, что ничто не препятствовало использованию таких «общих сведений»...

96. Европейский Суд полагает, что исключение показаний, данных на предварительном следствии, из состава доказательств раскрывает значение, которое Апелляционный суд придает обеспечению права подозреваемого на защиту с первых стадий разбирательства. Хотя опороченное доказательство как таковое может быть отклонено на последующих стадиях разбирательства, в настоящем деле решение Апелляционного суда, тем не менее, продемонстрировало, что последствия нарушения права на защиту не были полностью устранены.

97. В свете вышеупомянутых соображений Европейский Суд заключает, что право заявителя на защиту было невосполнимо умалено в связи с неспособностью защищать себя за счет юридической помощи по его выбору».

86. Не имеется данных о том, что сказанное заявителем в течение первых трех дней использовалось в судебном разбирательстве и имело воздействие или влияние на его результат. Отвечая на вопрос № 6, заданный Европейским Судом сторонам в связи с использованием показаний заявителя, последний указал следующее (см. §§ 44–45 его объяснений):

«44. Показания, данные заявителем полиции до предъявления ему обвинения, могли использоваться в предварительном разбирательстве, поскольку он имел статус «подозреваемого» в значении статьи 206 Уголовно-процессуального кодекса, но они отсутствуют в материалах следственного дела № 662/1990.

45. Кроме того, эти показания составляют основу признания заявителя от 21 октября 1999 г. ...».

87. Согласно версии заявителя он давал показания против себя в отношении преступлений, в которых он был впоследствии обвинен, и сообщил информацию относительно этих преступлений в отсутствие помощи адвоката. Я придерживаюсь мнения о том, что это само по себе могло сделать всё разбирательство несправедливым. Логично предположить, что такие показания, которые он дал без адвоката, могли использоваться позже в ходе судебного разбирательства. Возможно, имея это в виду, он не мог избежать официального признания позднее даже в присутствии своего адвоката. Если версия заявителя верна, то нет сомнений в том, что он был спровоцирован на подобное признание.

88. Следовательно, тот факт, что заявитель не пользовался помощью адвоката в период содержания под стражей в полиции начиная с его задержания, а также что, если его утверждения правдивы, он был допрошен, признался в участии в разбой-

ном нападении и сообщил другую важную информацию для дела, оказал влияние на всю процедуру и поэтому умалил справедливость уголовного разбирательства.

89. Как указала «Ассоциация по предотвращению пыток», третья сторона в настоящем деле: «Юридическая помощь на этой ранней стадии уголовного разбирательства, даже до начального допроса, имела существенное значение для обеспечения права задержанного подозреваемого не свидетельствовать против себя, если он не был информирован об обвинениях против него» (см. § 106 настоящего Постановления).

90. Действительно, без адвоката заявитель сообщил, как он утверждал, иную информацию и подробности, кроме его признания в участии в разбойном нападении, что могло помочь полиции выстроить дело против него также и относительно двух убийств, можно оправданно прийти к противоположному по отношению к выводу Палаты заключению о том, что право заявителя «не свидетельствовать против самого себя было соблюдено» и что «справедливость уголовного разбирательства надлежащим образом обеспечена» (см. § 116 Постановления Палаты). Следует отметить, что заключение этого параграфа Постановления Большой Палаты Европейского Суда по данному вопросу (в § 144) сформулировано иначе, чем корреспондирующий параграф Постановления Палаты, не указывая конкретно, что право заявителя «не свидетельствовать против самого себя было соблюдено», как это сделала Палата.

91. Должно быть абсолютно ясно, что важнее всего, помимо процессуальной гарантии права заявителя на адвоката, является то, было ли разбирательство скорее всего опорочено отсутствием адвоката во время допроса заявителя, признания и сообщения информации, которую власти Болгарии коварно использовали против него в ходе судебного разбирательства. Это безусловно отличается от вопроса о том, был бы результат судебного процесса иным, если бы заявитель пользовался помощью адвоката, что не имеет значения.

92. Ввиду вышеупомянутого можно задаться вопросом о том, соблюдался ли и обеспечивался ли принцип равенства в настоящем деле. Заявитель был лишен существенного периода для подготовки своей защиты, и можно обоснованно утверждать, что многое могло случиться в течение этого времени, что повлекло бы использование материала против него, как разъяснялось выше.

93. Даже если предположить, что в течение первых трех дней содержания заявителя под стражей допросы не проводились, отсутствие допросов не оказало бы существенной поддержки аргументу властей Болгарии, поскольку согласно прецедентной практике Европейского Суда вопрос о том, «проводились допросы или нет», не имеет значения для справедливости уголовного разбирательства

в соответствии со статьей 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда «А.Т. против Люксембурга», § 64, соответствующий фрагмент цитировался выше, в § 29, а также Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (*Dayanan v. Turkey*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03, § 32).

94. Почти все из 10 соответствующих факторов, перечисленных в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» для оценки общей справедливости разбирательства, в настоящем деле не приняты во внимание или не оценены большинством судей надлежащим образом.

95. Фактор (а) из перечня в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» относительно уязвимости заявителя не был принят во внимание в достаточной степени. В деле «Салдуз против Турции» (упоминавшемся выше, § 54) Европейский Суд прямо указал:

«...В то же время обвиняемый часто оказывается в особенно уязвимом положении на этой стадии разбирательства...».

Европейский Суд также указал в Постановлении Большой Палаты по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) (жалоба № 21986/93, § 99, *ECHR* 2000-VII):

«...Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и власти обязаны защищать их...».

Точно так же в Постановлении Большой Палаты по делу «Буид против Бельгии» (упоминавшемся выше § 107) Европейский Суд указал:

«Более того, лица, которые содержатся под стражей в полиции или даже просто доставлены или вызваны в отдел полиции для установления личности или допроса, как в деле заявителей, и в более широком смысле все лица, находящиеся под контролем полиции или аналогичного органа, находятся в ситуации уязвимости. Следовательно, власти имеют обязанность их защищать...».

См. также об уязвимости заключенных Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Шериф Ёнер против Турции» (*Mehmet Şerif Öner v. Turkey*) от 13 сентября 2011 г. жалоба № 50356/08, Постановление Европейского Суда по делу «Плонка против Польши» (*Płonka v. Poland*) от 31 марта 2009 г., жалоба № 20310/02, §§ 39–41, и Постановление Европейского Суда по делу «Леонид Лазаренко против Украины» (*Leonid Lazarenko v. Ukraine*) от 28 октября 2010 г., жалоба № 22313/04, § 57.

96. Фактор (б) из перечня в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» относительно правовой базы, регулирующей досудебное разбирательство, при всем надлежащем уважении также не был оценен и применен большинством судей. Что касается этого фактора, следовало внимательно рассмотреть различные доклады Европейского комитета против пыток

и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) (на последний доклад 2015 года ссылался заявитель в § 24 его объяснений), свидетельствующие о том, что реализация права доступа к юридической помощи в течение стадии допроса остается проблематичной. В § 130 настоящего Постановления указано, что «...[м]ожет показаться, что события в настоящем деле соответствуют практике властей, которая серьезно критиковалась ЕКПП (см. публичное заявление КПП 2015 года в § 80 настоящего Постановления)». Но важнее всего, что можно с легкостью удостовериться в том, что власти Болгарии не связаны верховенством права при нарушении пункта 4 статьи 70 Закона о Министерстве внутренних дел 1997 года, который предусматривает, что «задержанные имеют право на юридическую помощь с момента их задержания» (см. также в § 59 настоящего Постановления это положение и применимые имплементирующие правила).

97. Кроме того, фактор (d) из перечня в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», а именно «качество доказательств и то, бросают ли обстоятельства, при которых они были получены, тень сомнений на их достоверность или точность, принимая во внимание степень и характер любого принуждения», в случае надлежащей оценки и применения мог повлечь вывод о нарушении подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в настоящем деле.

98. При оценке общей справедливости разбирательства большинство судей приняли во внимание признание заявителя (как и внутригосударственные суды), но они не учли отзыв или отказ от признания или любые вышеупомянутые процессуальные недостатки относительно защиты заявителя в течение первых трех дней, которые могли повлиять на его признание в первую очередь. В этом отношении может не иметь смысла принимать во внимание то, что заявитель сказал в § 69 его объяснений: «Действительно, любое давление, которое могло быть применено к нему следователями в целях признания, могло рассматриваться как остающееся эффективным». Хотя соответствующий фактор (f) в списке, включенном Европейским Судом в Постановление Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» для оценки общей справедливости разбирательства и принятом в настоящем Постановлении, а именно «в случае, если речь идет о показаниях, характер этих показаний, и были ли они сразу же отозваны или изменены», должен был рассматриваться и применяться в настоящем деле Европейским Судом, но большинство судей этого не сделали. Мое мнение таково, что признание заявителя и его последующий отказ от него при подозрительных обстоятельствах настоящего дела должны применяться в соответствии с факто-

ром (f) перечня из дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства».

Еще одно мое несогласие с выводом большинства судей затрагивает значение, которое они придают признанию заявителя при оценке общей справедливости разбирательства, пренебрегая, однако, тем фактом, что, помимо отказа заявителя от признания (а), он никогда не признавался в совершении двух убийств, и его признание сводилось к совершению налета на пункт обмена валюты, и (b) он был, тем не менее, признан виновным в разбойном нападении, повлекшем убийство двух человек, и был приговорен к пожизненному лишению свободы.

99. Фактор (g) из перечня в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», а именно «применение, которое получили доказательства...», является еще одним фактором, который может потребовать надлежащей оценки, если принять как состоятельную версию заявителя о том, что случилось в течение первых трех дней, когда он не имел доступа к адвокату. Иными словами, помимо официального признания заявителя, фактор (g) также может быть применим.

100. Кроме того, фактор (i) из перечня в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», а именно «значимость интереса общества в проведении расследования и в привлечении к ответственности за конкретное преступление», не был оценен большинством судей Я полагаю, что публичный интерес не состоит в судебном разбирательстве с нарушением верховенства права с самого начала. Он не может допускать, чтобы содержание под стражей лица в течение трех дней без помощи адвоката, когда он предположительно оговорил себя и сообщил полиции информацию, несмотря на его просьбу о предоставлении доступа к адвокату и ее отклонение.

101. Список 10 соответствующих факторов для оценки общей справедливости разбирательства не является исчерпывающим (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 124). По моему мнению, факты настоящего дела могли оправдывать добавление еще одного фактора в перечень в деле Ибрагима и других без нарушения его духа, а именно длительность содержания под стражей лица без доступа к адвокату, несмотря на его желание пользоваться помощью последнего. Следует иметь в виду, что каждая минута содержания под стражей в отсутствие юридической помощи может ослабить защиту на более позднем этапе и повлечь непредсказуемые последствия. Конечно, в настоящем деле данный фактор следовало принять во внимание совместно с уязвимостью заявителя, которая является одним из факторов перечня, и возможностью его допроса в течение его содержания под стражей без помощи адвоката.

102. Заявитель, который не имел доступа к адвокату в течение значительного периода, который начал течь во время его задержания, даже если позднее доступ у него появился, может рассматриваться как заявитель, не имевший защиты вообще. И разбирательство по поводу лишения заявителя всякой защиты вообще, против его воли, не может быть справедливым судебным разбирательством. Вот почему оценка общей справедливости может относиться ко всем вопросам статьи 6 Конвенции, но не к вопросу лишения заявителя его права на помощь адвоката, если отсутствуют непреодолимые причины для ограничения (в соответствии с правильным толкованием дела «Салдуз против Турции»). Не следует забывать, что содержание заявителя под стражей без адвоката продолжалось три дня, то есть на один день дольше, чем содержание под стражей заявителя в Постановлении Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (упоминавшемся выше), где Европейский Суд установил нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

103. В моем мнении систематически упоминается тот факт, что власти Болгарии нарушили верховенство права и свои позитивные обязательства. Я не вижу понятие «справедливость» независимо от верховенства права, и это существенное несогласие, которое имеется у меня с большинством судей. «Справедливость» и «нарушение верховенства права» являются противоречивыми вопросами. По-моему, понятие «справедливость» предполагает соблюдение верховенства права и соблюдение всех обязательств властей Болгарии в соответствии

с Конвенцией по поводу уважения и обеспечения прав человека, что не имело места в настоящем деле.

104. Из вышеизложенного следует, что власти Болгарии не исполнили свое строгое бремя доказывания, требуемое Постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства».

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

105. В заключение, по моему мнению, власти государства-ответчика нарушили пункт 1 статьи 6 Конвенции и подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, какому бы подходу мы ни следовали: подходу в деле «Салдуз против Турции» (в его правильном толковании), включающему один обязательный тест, или подходу в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» с двумя обязательными тестами.

Е. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 И ПОДПУНКТА «С» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ И ПРАВОВЫЕ ИЗДЕРЖКИ

106. Мои выводы, изложенные выше, о том, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, повлекли бы увеличение суммы выплаты компенсации морального вреда и правовых издержек, определение которых, однако, может быть только теоретическим, ибо я в меньшинстве.